

ВЛ. ДИНЗЕ.

37.01

Д 466

О НАЦІОНАЛЬНОМЪ
ВОСПИТАНІИ

ИЗД. О. В. БОГДАНОВОЙ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1913.

ВЛ. ДИНЗЕ.

О НАЦІОНАЛЬНОМЪ ВОСПИТАНІИ.

**Опытъ привлеченія отечественнаго вниманія
къ насущному вопросу.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ О. В. БОГДАНОВОЙ 1913.

«Россія безъ cadaго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обойтись! Космополитизмъ—чепуха, космополитъ—нуль, хуже нуля; въ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ физиономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошрое лицо возможно безъ физиономіи».

И. Тургеневъ.

«Народность или національность есть положительная сила, и каждый народъ по особому характеру своему назначенъ для особаго служенія».

Вл. Соловьевъ.

«Национальность и трудъ, национальность и творчество, национальность и школа, национальность и свобода—эти слова должны сдѣлаться однозначными».

А. Градовскій.

«У cadaго народа своя собственная национальная система воспитанія... Какъ нельзя жить по образцу другого народа, какъ бы заманчивъ ни былъ этотъ образецъ, точно также нельзя воспитываться по чужой педагогической системѣ, какъ бы ни была она стройна и хорошо обдумана. Каждый народъ въ этомъ отношеніи долженъ пытаться собственныя силы».

К. Ушинскій.

«Чего же недостаетъ нашей школѣ, чтобы она могла съ честью назваться русскою школою?»

Вл. Стоунинъ.

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Однажды, еще въ дѣтствѣ пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ глубоко взволновавшей и поразившей меня встрѣчи одной изъ иностранныхъ колоній въ Спб. своихъ родныхъ моряковъ. Много воды утекло съ той поры, но и теперь еще я отчетливо помню радостное возбужденіе и нравственный подъемъ гостей и хозяевъ. Ясно чувствовалось, что всѣхъ здѣсь духовно объединила и даже крѣпко стиснула какая-то могучая рука, протянутая сюда изъ далекой отчизны; когда же увѣренно и нервно запѣлъ общій хоръ свой національный гимнъ, то видно было, какъ легко и свободно растворялось у всѣхъ личное «я» въ общемъ порывѣ, въ единой любви.

Кому не приводилось въ жизни присутствовать при встрѣчахъ, гдѣ такъ четко проявляется желѣзная національная скрѣпа, тому отсутствіе личнаго опыта могутъ замѣнить отчасти печатное слово и рассказы очевидцевъ. И фактовъ такихъ наберется не мало. «Rule Britannia» одушевленно пѣли англичане при побѣдахъ своихъ соотечественниковъ во время недавнихъ Олимпійскихъ игръ, и энергично вторили имъ другія національности, празднуя побѣду своихъ. Великія историческія годовщины, юбилеи учреждений и лицъ, заслужившихъ общественную признательность, и многое другое — все даетъ поводъ къ живому національному общенію, воспитывая радостную готовность лично содѣйствовать родинѣ въ ея многообразномъ развитіи. Этой національной связью, яркимъ чувствомъ родственной близости, крѣпокъ всякій народъ и въ обла-

сти чисто экономическихъ интересовъ. За примѣрами ходить не далеко и привести ихъ можетъ всякій въ любомъ числѣ.

Возьмемъ теперь послѣдній фактъ изъ этой области: грандіозный и величественный слетъ чешскихъ соколовъ въ Прагъ. Я думаю, что не одного меня разбирала и зависть при видѣ того одушевленія, съ какимъ чешскій народъ относился къ своей молодежи, не у меня одного зашевелилась мысль о необходимости такой же по духу организациі. «Не заноситесь мечтой за облака», — скажетъ иной «трезво» настроенный читатель. «Неужели вы еще не знаете, что тамъ свободно порыву нѣтъ тягостныхъ помѣхъ»? Усталый вопросъ! Все валить на обстоятельства и самому почить на лаврахъ — вотъ что нерѣдко скрывается за такимъ печальнымъ вздохомъ. Забываютъ, что глубокія національныя чувства рѣдко когда смывались враждебной политической волной, что она разбивается обычно о твердый утесъ національнаго самосознанія, что именно борьба, настойчивая и упорная, закалила чешское возрожденіе, ибо послѣднее есть дѣло отнюдь не одного, но нѣсколькихъ славныхъ поколѣній. И величественная демонстрація народныхъ чувствъ, знаменательный показатель чешскаго единенія есть лишь плодъ героическаго отстаиванія отъ нѣмецкихъ посягательствъ своего коллективнаго лица, имя которому національность. Только любовь къ своему народу, только безкорыстная преданность его интересамъ могли воспитать чешскихъ гражданъ, ибо какъ въра мертва безъ добрыхъ дѣлъ, такъ и борьба бесплодна безъ порячей привязанности. «Любовь сильнѣе смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь» (И. Тургеневъ).

Грубая ошибка думать, однако, что лишь въ указанной или сходной борьбѣ можетъ зародиться и расцвѣсти подлинное національное чувство. Такъ англичанинъ сравнительно мало думаетъ о своей національности и онъ вполне можетъ позволить себѣ это: отечество такъ связано съ его личностью, судьба родины такъ близко принимается имъ къ сердцу, ея мощь и

слава такъ для него естественны, что онъ не чувствуетъ потребности говорить о томъ, что и само собой понятно; онъ просто гордится своимъ отечествомъ и любить его, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ.

Именно такія и сходныя жизненныя впечатлѣнія вызвали настоящую работу, опредѣливъ ея содержаніе и характеръ. Является-ли національное начало пустымъ и вреднымъ пережиткомъ, злостнымъ тормазомъ свободы и культуры, гасителемъ общечеловѣческихъ стремленій и надеждъ, или же, наоборотъ, многія положительныя стороны личной и общественной жизни могутъ возрасти только на родной почвѣ, на основѣ національнаго самосознанія и чувства? Этотъ общій и коренной вопросъ узкія рамки статьи позволили разрѣшить въ пользу безусловнаго признанія национальныхъ началъ не въ полномъ объемѣ, но въ частномъ педагогическомъ значеніи, въ утвержденіи національности въ дѣлѣ воспитанія.

Отсюда предлагаемая работа является одновременно живымъ откликомъ на острые явленія русской жизни и сильнымъ отвѣтомъ на старый и основной вопросъ педагогики: Человѣкъ или гражданинъ долженъ составлять идеаль воспитанія? Міръ или отечество, вселенская земля или родная почва должны быть положены въ его основу?

Вопросъ о національности въ его практически-государственномъ и теоретически-идейномъ значеніи сталъ ребромъ въ происходящей теперь общественной перегруппировкѣ идей и убѣжденій. Оба упомянутыхъ значенія просачиваются нынѣ и въ педагогическую практику, не находя, однако, теоретическаго отклика. Отсюда естественно проистекаетъ замѣтная путаница, которая еще болѣе усиливается стычками на партійной почвѣ и умышленнымъ непониманіемъ того понятія, которое даетъ такъ много поводовъ ожесточенно ломать копья.

Заранѣе оговариваюсь, что читатель не найдетъ здѣсь такой педагогической программы, которая цѣликомъ должна быть проведена въ жизнь: это лишь опытъ постановки вопроса и сильное его разрѣшеніе. Вотъ почему и въ указаніи тѣхъ или иныхъ прак-

тическихъ мѣропріятій, скорѣе иллюстрирующихъ общія положенія и относящихся къ гражданскому воспитанію, замѣтятъ, быть можетъ, нѣкоторую односторонность. Мало того, даже принудительныя задачи національнаго воспитанія, не исчерпывая всей области педагогической работы, могутъ и должны иной разъ сглаживаться или ослабляться соображеніями другого порядка; словомъ, идея національнаго воспитанія не можетъ дать еще цѣльной, всесторонней практической программы, которая еще въ будущемъ, хотя, надѣмся, и не далеко.

Итакъ, центръ тяжести мы полагаемъ не столько въ осуществленіи тѣхъ или иныхъ практическихъ мѣръ, сколько въ выясненіи опредѣленныхъ понятій, содержаніе которыхъ замутилось, хотя ихъ жизненное значеніе и неоспоримо. Поэтому, данная работа не есть законченное твореніе, философики сведенное къ единому началу и тщательно продуманное во всѣхъ частностяхъ, связанныхъ органически съ цѣлымъ. Она скорѣе черновикъ тѣхъ мыслей, какія выработались въ процессѣ необходимаго отклика на запросы настоящаго дня. Въ качествѣ опыта работа не требовала отъ меня ученаго аппарата, методическихъ выкладокъ и строгой системы въ изложеніи; если же я не избѣгалъ цитатъ и ссылокъ на литературу, то этимъ, помимо ознакомленія съ соотвѣтствующими работами, преслѣдовалась и другая цѣль: устранить болѣе чѣмъ легкомысленное отношеніе русскаго общества къ поднятому самой жизнью вопросу о національности въ дѣлѣ воспитанія.

Этимъ специфическимъ условіемъ нашей жизни объясняется отчасти и весь планъ настоящей статьи. Прежде всего обстоятельно выясняется понятіе «націи», ставшее для иныхъ, по многимъ вѣскимъ причинамъ, какимъ-то устрашающимъ жупеломъ. Я пытаюсь доказать затѣмъ, что глубокая культурная и этическая цѣнность національнаго начала находитъ себѣ блестящее оправданіе, какъ въ историческомъ опытѣ, такъ и въ глубокихъ проникновеніяхъ мыслителей и художниковъ слова. Наконецъ, сокровенныя переживанія индивидуальной души, которыя связаны съ тѣмъ же предста-

влениемъ родной земли и ея народа, даютъ намъ возможность подойти вплотную къ основному вопросу о сущности и задачахъ національнаго воспитанія.

Здоровая нація всегда стремится надѣть защитный панцырь государства, которое въ дѣло воспитанія вноситъ свои требованія и во многомъ преобразуетъ его содержаніе. Эти требованія даютъ начало нѣскольکو отличному отъ національнаго гражданскому воспитанію. «Гражданинъ челоѳчества» — простая игра словъ: челоѳчество требуетъ лишь одного — быть «челоѳкомъ» въ одухотворенномъ и возвышенномъ смыслѣ этого слова. Понятіе же гражданина всегда предполагаетъ опредѣленный народъ и его обычную государственную организацію. Отсюда вопросъ о національномъ воспитаніи во многомъ сводится къ вопросу о воспитаніи гражданскомъ, но далеко не исчерпывается имъ.

Вотъ почему естественное продолженіе нашей работы составитъ уже отдѣльную книжку «О гражданскомъ воспитаніи русской молодежи», гдѣ мы, опредѣливъ понятіе гражданского воспитанія, развертываемъ какъ разъ его содержаніе и взаимоотношеніе съ самимъ государствомъ и нѣкоторыми органами его — школой, арміей и пр. Каковы требованія гражданского воспитанія и какую политику оно можетъ диктовать — таково заключительное слово.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Что такое нація?

«Если меня не спрашивают, то я знаю», — отвѣтилъ Бл. Августинъ на вопросъ: что такое «время». Къ разряду именно такихъ явленій, которыя тѣмъ болѣе понятны, чѣмъ меньше о нихъ спрашиваешь, относится и понятіе націи. Множество бесплодныхъ словопреній было вызвано здѣсь тѣмъ обстоятельствомъ, что это понятіе каждый понималъ по своему, не разбираясь обычно въ томъ, какое содержаніе вкладывалъ сюда тотъ или иной авторъ или собесѣдникъ. Однако, кто хочетъ понять, а тѣмъ болѣе критиковать національную идеологію, тотъ обязанъ дать прямой и ясный отвѣтъ на вопросъ: что такое нація?

Обратимся прежде всего къ выясненію того во многомъ мистическаго понятія, которое зовется «національнымъ духомъ» или «народной душой». Отложимъ до поры до времени всякое философское умозрѣніе и начнемъ съ простыхъ, обыденныхъ фактовъ. Представьте себѣ средняго русскаго чело-вѣка перенесеннымъ въ Англію или Испанію. Онъ тотчасъ же почувствуетъ происшедшую съ нимъ перемѣну, свою многогранную обособленность и даже отчужденность отъ новой среды: здѣсь иначе думаютъ и чувствуютъ, иначе относятся къ разнымъ вещамъ и событіямъ, нежели привычная русская среда. Вотъ эту-то совокупность признаковъ, отличающихъ людей разныхъ національностей, эту сумму особыхъ для cadaго народа физическихъ и духовныхъ свойствъ, мы и назовемъ пока національнымъ характеромъ. Конечно, найдутся и точки соприкосновенія, встрѣтятся

нѣкоторыя общечеловѣческія черты или одинаковые профессиональные навыки, но что средній русскій человекъ не похожъ на средняго англичанина, хотя-бы они принадлежали къ одной и той же профессіи, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, какъ равнымъ образомъ и то, что всѣ англичане, при всѣхъ своихъ взаимныхъ отличіяхъ, сходны между собой въ цѣломъ рядѣ признаковъ.

Установивъ этотъ фактъ, мы должны выяснить теперь, какимъ путемъ вырабатывается подмѣченная нами относительная общность характера. Мы говоримъ «относительная», такъ какъ отдѣльнымъ членамъ націи, при всемъ ихъ общемъ сходствѣ другъ съ другомъ, свойственны еще индивидуальныя особенности мѣстнаго, профессиональнаго и другого порядка.

Фактъ существованія національнаго характера пытаются объяснить, по его составу и происхожденію, двѣ противоположныхъ теоріи.

Одна изъ нихъ всѣ дѣйствія какой-нибудь націи, всѣ историческія судьбы ея объясняетъ таинственнымъ народнымъ духомъ, акты или проявленія котораго она видитъ въ особыхъ для каждаго народа законахъ, нравахъ, обычаяхъ и пр. Народный духъ это то вѣчное, что пребываетъ въ текущемъ потокѣ событій, это то постоянное единство, которое остается при всѣхъ индивидуальныхъ различіяхъ. Индивидуумы суть лишь формы проявленія этой пребывающей въ себѣ духовной субстанціи. Такова спиритуалистическая теорія¹⁾.

Современная психологія покончила, однако, съ вопросомъ о существованіи особой душевной субстанціи, дѣйствіемъ которой объясняли нѣкогда всѣ факты человѣческаго сознанія. Въ настоящее время она имѣ-

1) Въ рядахъ славянофиловъ мы найдемъ многихъ представителей такого именно взгляда на «народный духъ». Они увѣрили себя и другихъ, что имъ удалось вскрыть народную душу, проникнуть въ ея «святая святыхъ» и даже снять съ нея фотографіи въ различныхъ позахъ: религіозной, общественной, государственной и т. д. Грѣхъ славянофильства въ томъ и состоитъ, что на мѣсто исканія и творчества общественныхъ началъ оно поставило служеніе готовымъ и найденнымъ началамъ, предлагая всѣмъ и каждому свои туманныя изображенія національнаго духа.

еть дѣло только съ душевными явленіями, стараюсь опредѣлить составъ, уловить связь и выяснить условія ихъ появленія. Она ясно сознаетъ теперь, что отношеніемъ фактовъ душевной жизни къ какому-либо метафизическому единству вопросъ не разрѣшается, но только отодвигается съ одной плоскости въ другую, ибо одно неизвѣстное здѣсь опредѣляется черезъ другое неизвѣстное.

Точно также обстоитъ дѣло и съ «народной душой», которая въ спиритуалистической оболочкѣ является лишь беспочвенной абстракціей, празднымъ измышленіемъ романтическаго настроенія.

Другая теорія относительную общность характера у какого-либо народа сводитъ къ наследственности. Опытъ говоритъ, что дѣти похожи на родителей физически и духовно. Объясненія этого факта ищутъ въ процессѣ оплодотворенія, состоящаго въ соединеніи двухъ клѣточекъ, отдѣлившихся отъ мужского и женскаго организма. Отсюда своеобразіе живого существа опредѣляется качествомъ мужского сѣмени и женской яичной клѣтки. Но почему же эти сѣмена и клѣтки могутъ переносить опредѣленные свойства на новый организмъ, являющійся въ результатѣ ихъ сліянія, на это мы имѣемъ пока одни гадательные отвѣты. Пытливая человѣческая мысль стоитъ здѣсь передъ вопросомъ, который поставилъ еще Монтэнь: «Что это за чудо, что капля сѣмени, изъ котораго мы произошли, несетъ въ себѣ отпечатки не только тѣлесной формы, но также мыслей и склонностей нашихъ отцовъ?» Но какъ ни загадочны законы наследственности, можно утверждать, однако, что то или иное сочетаніе въ народѣ опредѣленныхъ признаковъ, есть результатъ многовѣковаго развитія, которое могло привести къ образованію единства въ многообразіи, называемаго націей, только благодаря унаслѣдованію дѣтьми физическихъ и духовныхъ качествъ своихъ родителей или болѣе отдаленныхъ предковъ. То, что создаетъ націю, образуетъ ея характерныя черты и направляетъ ея жизненныя силы, есть, такимъ образомъ, матеріальный субстратъ; носителемъ національнаго единства является протоплазма. Такова матеріалистическая теорія.

Какимъ же путемъ указанный матеріальный субстратъ или протоплазма опредѣляетъ собой качества дѣтей? Наука, какъ мы только что сказали, не можетъ намъ дать точнаго отвѣта.

Въ тѣлѣ cadaго сложнаго животнаго разсѣяно, по мнѣнію Дарвина, множество мельчайшихъ частицъ, отдѣлившихся отъ клѣтокъ различныхъ тканей (нервной, мышечной, костной и пр.). «Эти частички,—говоритъ онъ,—можно назвать зачатками или геммулами. Онѣ собираются со всѣхъ частей организма для образованія половыхъ элементовъ и, развиваясь въ слѣдующемъ поколѣніи, образуютъ новое существо». Такимъ образомъ, все тѣло отца и матери участвуютъ въ производствѣ ребенка; каждый сперматозоидъ, каждая яйцевая клѣтка является крошечнымъ міркомъ, состоящимъ изъ всѣхъ характерныхъ для даннаго организма видовъ геммулъ, образующихъ въ половомъ актѣ одноклѣточный зародышъ. Эта теорія о пангенезисѣ наукою теперь оставлена.

Другая, болѣе замысловатая догадка принадлежитъ нѣмецкому біологу Вейсману. По его мнѣнію, носителемъ наслѣдственныхъ свойствъ въ одноклѣточномъ зародышѣ является ядро или ядерное вещество, которое онъ называетъ зародышевой плазмой. Одна часть ея, активная, подвергается многообразнымъ измѣненіямъ и идетъ на постройку дѣтскаго организма. Другая часть зародышевой плазмы, пассивная, остается неизмѣнной и въ качественномъ отношеніи постоянной; она идетъ на образованіе половыхъ клѣтокъ ребенка. Активная часть, образованная соматическими клѣтками¹⁾, мало-по-малу истрачивается и постепенно отмираетъ, тогда какъ пассивная сохраняется въ сѣмени ребенка, переходя къ нему отъ родителей. Отсюда прямо слѣдуетъ, что потомокъ можетъ воссоздать только тѣ признаки своихъ родителей, которые были представлены пассивной частью ихъ зародышевой плазмы.

Раскрываемъ теперь книгу довольно извѣстнаго и въ Россіи французскаго ученаго Г. Лебона. Въ его «Психологіи народовъ»²⁾ мы найдемъ точно такой же взглядъ на сущность національнаго характера, къ какому обязываетъ насъ теорія наслѣдственности въ редакціи Вейсмана; здѣсь этотъ взглядъ выраженъ только языкомъ психологіи, а не біологіи. «Каждый народъ обладаетъ душевнымъ строемъ столь же устойчивымъ, какъ и его антоическія особенности, и отъ него-то и происходятъ его чувства, его учрежденія, его вѣрованія и его искусства... Раса должна быть разсматриваема, какъ постоянное существо, не подчиненное дѣйствию времени. Это постоянное существо не только изъ живущихъ индивидуумовъ, образующихъ его въ данный моментъ, но также изъ длиннаго ряда мертвецовъ, которые были ихъ предками... Судьбой на-

1) Мышечныя, костныя, хрящевыя, нервныя клѣтки—все это, согласно терминологіи Вейсмана, *соматическія* (тѣлесныя) клѣтки.

2) Русскій переводъ въ изд. Ф. Павленкова. Спб. 1896 г. Стр. 5, 10, 13.

рода въ гораздо большей степени руководятъ умершія поколѣнія, чѣмъ живущія. Ими одними заложено основаніе расы. Столѣтіе за столѣтіемъ они творили идеи и чувства и, слѣдовательно, всѣ побудительныя причины нашего поведенія. Умершія поколѣнія передаютъ намъ не только физическую организацію; они внушаютъ намъ также свои мысли. Покойники суть единственные неоспоримые господа живыхъ. Мы несемъ тяжесть ихъ ошибокъ, мы получаемъ награду за ихъ добродѣтели».

Вполнѣ достаточно и этихъ выдержекъ изъ множества сходныхъ утвержденій, чтобы легко увидѣть здѣсь ту же зародышевую плазму съ ея постоянствомъ и всеопредѣляющимъ значеніемъ. Аналогія идетъ и дальше. Вспомните соматическія клѣтки Вейсмана и сопоставьте съ ними слова того же Лебона: «Психическая организація имѣетъ основныя особенности, столь же неизмѣнныя, какъ анатомическіе признаки видовъ; но она вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ и легко измѣняемыми особенностями; эти-то послѣднія и могутъ легко измѣнять среда, обстоятельства, воспитаніе и различныя факторы».

Итакъ, фактъ существованія національнаго характера пытаются объяснить двоякимъ путемъ: спиритуализмъ видитъ въ націи воплощеніе «народнаго духа», развивающагося по своимъ собственнымъ имманентнымъ законамъ, матеріализмъ усматриваетъ основу націи въ опредѣленной формѣ матеріи, протоплазмѣ, видоизмѣненія которой имѣютъ рѣшающее значеніе для народнои судьбы. Въ конечномъ же итогѣ обѣ теоріи равноцѣнны, такъ какъ обѣ ошибочны.

Если спиритуализмъ оказывается совершенно несостоятельнымъ, ибо современная психологія отказалась отъ понятія душевной субстанціи, то матеріалистическое пониманіе національнаго характера покоится точно также на шаткомъ основаніи. Не говоря уже о совершенно произвольномъ выведеніи духа изъ матеріи, характера изъ клѣтки, матеріалистическая теорія грѣшитъ и противъ закона причинности.

Понятіе о взаимоотношеніи причины и дѣйствія коренится психологически въ непосредственномъ опытѣ человека. Я поднимаю камень и бросаю его. Я — причина, полетъ камня — дѣйствіе. По такому именно образцу первобытное мышленіе рисовало себѣ законъ причинности. Въ анимистической оболочкѣ онъ равнозначенъ постоянному допущенію за всякимъ матеріальнымъ дѣйствіемъ какого-нибудь живого существа: лѣ-

шаго, русалки и пр. Всякій предметъ для первобытнаго человѣка—вмѣстилище и носитель того же самаго сознанія, которымъ обладаетъ онъ самъ. Мало-по-малу человѣкъ перестаетъ населять въ своемъ воображеніи рощи, источники и скалы разными живыми существами; теперь причиной дѣйствія онъ считаетъ особыя скрытыя сущности, пребывающія въ предметахъ подъ именемъ «свойства», «силы» и «способности». Таково субстанціальное пониманіе причинности, согласно которому вещи являются носителями силъ, которыя производятъ тѣ или иныя дѣйствія. Такъ о магнитѣ говорятъ, что онъ надѣленъ особой силой, и одновременно думаютъ о какомъ-то существѣ, которое какъ-бы невидимыми щупальцами притягиваетъ къ себѣ желѣзо. Подобный взглядъ довольно распространенъ: солнце имѣетъ силу тепла и свѣта, камень—силу тяжести и т. д.

Матеріалистическая теорія національнаго характера и покоится какъ разъ на такомъ пониманіи причинности: въ протоплазмѣ она обрѣла субстанцію и причину эту надѣлила постоянной силою. Спроси мы, однако, у современнаго физика, отчего происходитъ явленіе притяженія, то услышали-бы отъ него, что онъ не признаетъ силъ, дѣйствующихъ внѣ и независимо отъ матеріи. Все существующее въ физическомъ мірѣ онъ объясняетъ движеніемъ матеріальныхъ частицъ. Мы не видимъ этого движенія и потому допускаемъ особую силу, которая представляетъ собой только слово для обозначенія найденнаго нами закона. Итакъ, наука не имѣетъ теперь дѣла съ субстанціями, какъ носительницами силъ, но все совершающееся она старается понять, какъ превращеніе энергіи. Въ такомъ случаѣ субстанціальное пониманіе причинности замѣняется актуальнымъ: всякое вызванное къ жизни явленіе само становится дѣйствующей причиной, порождающей новое явленіе и т. д.

Отсюда ясно, что мы не можемъ считать протоплазму носителемъ національнаго характера, надѣлять ее таинственною силой опредѣлять своеобразіе образующихъ націю индивидуумовъ. Эту субстанцію мы должны включить въ ту цѣпь событій, гдѣ все, являющееся

причиной, въ свою очередь является дѣйствіемъ ¹⁾. Итакъ, каковы факторы, опредѣляющіе собой качество матеріи, связывающей слѣдующія другъ за другомъ поколѣнія? Отвѣтъ даетъ здѣсь ученіе Дарвина о естественномъ подборѣ.

Живыя существа не обречены вѣчно повторять собою ближайшихъ и отдаленныхъ родичей. Если дѣти походятъ на своихъ родителей, то они всегда хоть чѣмъ-нибудь и отличаются отъ нихъ и другъ отъ друга. Покой уступаетъ мѣсто движенію и сила наслѣдственности побивается закономъ измѣнчивости. Фактъ индивидуальной варіаціи — непреложенъ; потомки не простыя копіи своихъ родителей. Эта варіація и служитъ предварительнымъ условіемъ для дѣйствія естественнаго подбора, который подхватываетъ ее и закрѣпляетъ.

Жизнь это арена борьбы, гдѣ всѣ живыя существа вольные и невольные ратники, гдѣ выживаютъ лучшіе, а худшіе вымираютъ. На званый пиръ ея не каждый можетъ пробраться, ибо не всѣхъ пропускаетъ сюда та могучая сила, имя которой «естественный подборъ», являющійся, по словамъ самого Дарвина, «сохраненіемъ полезныхъ уклоненій (т. е. индивидуальных варіацій) и гибелью вредныхъ». Такъ, на примѣръ, если голодъ заставилъ опредѣленную группу млекопитающихъ перекочевать изъ теплой мѣстности въ холодную страну, то организму перенесшихъ непривычную стужу животныхъ приходится приспособиться здѣсь къ новымъ условіямъ жизни. Среди новоселовъ одни имѣютъ болѣе густую и теплую шерсть, чѣмъ другія (индивидуальная варіація); отсюда вполне естественно, что лучше перенесутъ холодный климатъ, долѣе проживутъ и оставятъ болѣе многочисленное потомство тѣ,

1) Къ такому же выводу насъ принуждаютъ и другія, болѣе конкретныя соображенія. Вѣдь протоплазма, эта основа будущаго дѣтскаго организма, не оставалась одной и той же на протяженіи вѣковъ, но многообразно измѣнялась: иначе откуда взялась-бы *пластичность* физическихъ и духовныхъ свойствъ у всѣхъ народовъ, откуда появилось-бы *разнообразіе* тѣхъ національностей, которыя въ далекомъ прошломъ были отпрысками одного родословнаго дерева?

у которыхъ мѣхъ гуще и теплѣе; другія животныя менѣе стойко перенесутъ невзгоды суроваго края и погибнуть (естественный подборъ). Такимъ путемъ въ холодной странѣ расплодятся мало-по-малу млекопитающія, извѣстныя подъ именемъ пушныхъ звѣрей. Указанный двойной процессъ вымиранія и выживанія и составляетъ естественный подборъ: жизнь его показная сторона, а смерть обратная.

Отсюда намъ ясна вся односторонность теоріи наслѣдственности: мы понимаемъ теперь, что именно естественный подборъ, зачастую усиливаемый подборомъ половымъ, опредѣляетъ собой качество переходящей изъ рода въ родъ протоплазмы, что унаслѣдованная какимъ-либо народомъ способность къ жизненной борьбѣ есть результатъ его прошлой обстановки, осадокъ его исторической судьбы. Наслѣдственная же передача своеобразныхъ признаковъ является только средствомъ, благодаря которому жизненныя условія прошедшихъ временъ продолжаютъ вліять на позднѣйшія поколѣнія; въ унаслѣдованныхъ ими чертахъ характера сказываются жизненныя условія предковъ. Поэтому и національный характеръ не порожденіе протоплазмы, не простое выраженіе таинственной силы вѣчной субстанции; національный характеръ это—застывшая исторія, гдѣ сходныя черты физическаго душевнаго склада выработались въ сходной борьбѣ за существованіе.

Ошибочно видѣть отсюда въ какой-либо націи одну только естественную общность, только группу людей, связанныхъ между собою единствомъ происхожденія, кровнымъ родствомъ. Вѣдь характеръ личности никогда не опредѣляется всецѣло унаслѣдованными качествами, но всегда и той ближайшей средой, гдѣ она живетъ и развивается: трудомъ, правомъ, нравами, искусствомъ и міропониманіемъ окружающаго ее народа. Вотъ почему и нація отнюдь не одна только естественная, но всегда также культурная общность. Мало того, одна естественная общность носила и носитъ въ себѣ сѣмена разложенія, ей присуще всегда стремленіе къ постоянному раздѣленію: различная жизненная обстановка воспитываетъ здѣсь и разные харак-

теры. Вспомнимъ только о нашихъ кривичахъ и радимичахъ, древлянахъ и полянахъ, а равнымъ образомъ о разбившихся на множество враждующихъ племенъ древнихъ насельникахъ Италиі и Греціи. Это стремленіе къ разрыву естественной общности уравнивается и побѣждается противоположнымъ стремленіемъ къ объединенію, которое обусловливается уже вліяніемъ общей культуры. Та же исторія даетъ намъ множество примѣровъ возникновенія единой націи изъ различныхъ и обособленныхъ племенъ.

Итакъ, нація есть сочетаніе естественной общности съ культурной. Это положеніе говоритъ намъ, однако, не о разныхъ причинахъ образованія національнаго характера, но о двоякомъ воздѣйствіи исторической судьбы на потомковъ: съ одной стороны, она развиваетъ и передаетъ путемъ естественной наслѣдственности опредѣленные физическія и душевныя качества, а съ другой, она создаетъ и передаетъ въ различныхъ формахъ общенія опредѣленные культурныя цѣнности. Итакъ, если въ націи мы видимъ сочетаніе естественной и культурной общности, то здѣсь мы имѣемъ въ виду не различныя причины, но различныя средства, путемъ которыхъ единообразныя условія исторической судьбы вліяютъ на характеръ потомковъ.

Исторія любого народа говоритъ намъ, что культурная общность измѣнялась съ теченіемъ времени въ двоякомъ направленіи. Во-первыхъ, общая культура носитъ различный характеръ въ зависимости отъ соответствующаго ей соціального строя; ея представителями являлись поочередно различные народные слои. Такъ въ феодальную эпоху эта общность была свойственна военно-служилому люду, въ болѣе позднюю капиталистическую эпоху мы замѣчаемъ возникновеніе буржуазной культурной общности; основная масса народа не принимала въ обоихъ случаяхъ замѣтнаго участія, составляя только низшій слой націи и основу ея дальнѣйшаго развитія. Задача же нашего времени состоитъ въ томъ, чтобы въ національную культурную общность включить весь народъ, цѣликомъ приобщить его къ роднымъ культурнымъ цѣностямъ. Во-вторыхъ, культурная общность измѣняется и въ томъ направленіи, что

она отличалась во времени разнообразнымъ содержаніемъ: символомъ ея служилъ родной языкъ, религія и пр.

Все изложенное нами является только совокупностью предварительныхъ замѣтокъ, въ результатѣ которыхъ мы приходимъ къ своей отправной точкѣ, къ опредѣленію національнаго характера. Словомъ «характеръ» обозначается вообще сумма присущихъ данному лицу основныхъ наклонностей, задача же науки сводится здѣсь, во-первыхъ, къ выбору основныхъ наклонностей и установленію между ними необходимыхъ связей, а во-вторыхъ, къ характерологическому анализу важнѣйшихъ проявленій каждой отдѣльной наклонности¹⁾. Въ общемъ, та же задача преслѣдуется изслѣдованіемъ и національнаго характера. Не касаясь содержания послѣдняго, т. е. не рассматривая своеобразныхъ русскихъ чертъ, мы остановимся на формальномъ понятіи всякаго народнаго характера.

Отмѣтимъ, прежде всего, что сущность и коренныя особенности всякаго національнаго характера опредѣляются преимущественно своеобразнымъ укладомъ воли. Именно волевой моментъ, просачиваясь во всѣ стороны душевной жизни и обуславливая собой многія изъ нихъ, имѣетъ рѣшающее значеніе. Такъ, нѣмецъ изъ своей поѣздки по Россіи вынесетъ далеко не тѣ же впечатлѣнія, обогатится не тѣми же наблюденіями, что англичанинъ или испанецъ. Воля сказала здѣсь въ томъ, что она направила по различнымъ путямъ вниманіе указанныхъ лицъ; но она проявляется также и въ томъ, что толкаетъ ихъ на различныя рѣшенія. Англичанинъ будетъ дѣйствовать въ сходныхъ условіяхъ не такъ, какъ испанецъ, оба они по разному возьмутся за одну и ту же работу и въ свободную минуту предпочтутъ различныя удовольствія. Вотъ почему въ національномъ характерѣ мы подчеркиваемъ своеобразный волевой моментъ, различный способъ отвѣчать на сходныя внѣшнія явленія и

1) Тщательный обзоръ большинства относящихся къ характеру вопросовъ имѣется у *А. Лазурскаго*, «Очеркъ науки о характерахъ». Спб. 1908 г. Стр. 54 и сл., 136 и сл.

приходить въ сходной обстановкѣ къ различнымъ рѣшеніямъ.

Мы можемъ опредѣлить теперь и націю, назвавъ ее общностью характера на почвѣ общности судьбы. Во избѣжаніе недоразумѣній необходимо здѣсь оговориться, что «общность» далеко не равнозначна съ «однородностью». Эта послѣдняя является болѣе узкимъ понятіемъ: ставя условіемъ объединенія однородныя занятія, она охватываетъ собой, на примѣръ, сельскую общину, рабочій классъ и проч. Дѣйствительно, современный экономическій строй въ различныхъ государствахъ создаетъ болѣе или менѣе сходныя условія жизни для рабочаго класса и тѣмъ самымъ вырабатываетъ въ немъ общія черты характера: одинаковое настроеніе и поведеніе, одинаковый образъ мысли, одинаковую мораль. Но такая общность характера вызвана не общностью, но однородностью судьбы, источникъ же всякой націи—совмѣстно пережитая и сообща выстраданная судьба, въ условіяхъ постояннаго взаимодействія и тѣсной взаимной связи народныхъ слоевъ.

Россія пережила такую же капиталистическую эволюцію, что и другія европейскія государства; это не сдѣлало все же русскаго англичаниномъ или нѣмцемъ. Опредѣленную стадію экономическаго развитія мы пережили въ болѣе позднее время, въ иной географической и государственной обстановкѣ. Отсюда одинаковые экономическіе факторы должны были сблизить насъ съ европейскими народами, но они отнюдь не могли бы превратить насъ въ одинъ изъ нихъ¹⁾.

1) «Хотя между нѣмецкими и англійскими рабочими и существуютъ извѣстныя сношенія,—говорить въ своей книгѣ О. Бауэръ, одинъ изъ вождей австрійской социалдемократіи,—все же они далеко не такъ тѣсны, какъ связь между англійскимъ рабочимъ и англійскимъ буржуа, живущими въ одномъ и томъ же городѣ, читающими однѣ и тѣ же газеты, участвующими въ однихъ и тѣхъ же политическихъ событіяхъ и дѣлахъ спорта, нерѣдко вступающими другъ съ другомъ въ сношенія, если не прямо, то косвенно, черезъ различнаго рода посредниковъ». Національный вопросъ и социалдемократія. СПб. 1909. Стр. 116.

Если въ основу націи мы положили духовное начало, то этимъ самымъ мы отнюдь не присоединяемся къ взгляду Ренана 1), который говоритъ, что «нація есть великая солидарность, порожденная сознаниемъ жертвъ, которыя уже принесены и которыя еще придется принести». Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что «существованіе націи есть повседневный плебисцитъ», т. е. основываетъ бытіе націи на волѣ составляющихъ ее индивидуумовъ. Взглядъ этотъ явно ошибоченъ уже потому, что и въ самодержавномъ государствѣ мы не можемъ отрицать наличности живого національнаго чувства. Такъ, въ своихъ письмахъ изъ Россіи, Мольтке заявлялъ: «Ни одна часть ея не можетъ существовать безъ другой; лѣсистый сѣверъ не можетъ обойтись безъ черноземнаго юга, промышленный центръ безъ нихъ обоихъ, внутренняя часть безъ береговой и безъ Волги, этого судоходнаго пути въ 400 миль. Еще сильнѣе этихъ условій сплочиваетъ всѣхъ общее (національное) чувство, вплоть до самыхъ далекихъ окраинъ».

Не имѣя возможности разсмотрѣть здѣсь великое множество различныхъ опредѣленій націи, мы приведемъ лишь нѣкоторыя, представляя самому читателю въ нихъ разобраться. «Нація есть историческое культурное единство; она продуктъ общей исторической судьбы, общей культурной роли»,—говоритъ В. М. Устиновъ 2), но черезъ нѣсколько страницъ неожиданно заявляетъ: «Правъ Гумпловичъ, утверждая, что каждая нація представляетъ изъ себя хаосъ противоположныхъ стремленій и теченій». Вл. Соловьевъ націю считалъ соборной личностью. А. Градовскій держится того же мнѣнія, видя въ ней «собирательную и нравственную личность». 3). «Подобно тому, какъ самобытное я каждой личности—гсворитъ онъ,—опредѣляется не тѣми свойствами и стремленіями, которыя общи ей со всѣми другими, а именно ея особенностями, такъ и народная личность опредѣляется тѣми особенными условіями, которыя выражаются въ народномъ типѣ». Согласно П. Миллюкову «національность есть социальная группа, располагающая такимъ единственнымъ и необходимымъ средствомъ для непрерывнаго психическаго взаимодействія, какъ языкъ, и выработавшая себѣ постоянный запасъ однообразныхъ психическихъ навыковъ, регулирующихъ правильность и повторяемость явленій этого взаимодействія». 4). По мнѣнію Шпрингера 5), «нація есть извѣстная общность чувствъ и мыслей», извѣстный же географъ Ратцель 6) видитъ въ націи «народъ, обладающій политической самостоятельностью или способный къ ней».

1) *E. Renan. Qu'est ce qu'une nation?* Paris. 1882, стр. 27

2) *Идея національнаго государства.* 1906, стр. 11 и 21.

3) *А. Д. Градовскій.* Собрание сочиненій. Томъ VI, стр. 261.

4) *Очерки по исторіи русской культуры.* Ч. III, стр. 7. Спб. 1909.

5) *Р. Шпрингеръ.* Національная проблема. Спб. 1910.

6) *Fr Ratzel. Die Erde und das Leben.* 1902. Т. II, стр. 674.

Собрание различныхъ опредѣленій націи имѣется въ старомъ, но содержательномъ трудѣ *Fr. Naumann'a, Volk und Nation*, 1888 г.

Итакъ, мы опредѣлили націю, какъ общность характера на почвѣ общности судьбы, дѣйствующей путемъ естественной наслѣдственности и путемъ непосредственной передачи культурныхъ цѣнностей. Это двойное воздѣйствіе сообщаетъ явленіямъ національной жизни то многообразіе, которое затрудняетъ правильный учетъ ея основныхъ причинъ. У одного народа естественная и культурная общность болѣе или менѣе совпадаетъ, у другого кровное родство не помѣшало разслоенію на враждебныя націи, у третьяго корни національнаго единства не въ одинаковомъ происхожденіи, но въ общей культурѣ. Слѣдовательно, естественная общность не служитъ еще ручательствомъ національнаго единства: образуя расу, она можетъ заинтересовать антрополога, нація же всегда предполагаетъ общность культурную и даже ее одну. Движущія силы нашего времени могутъ лишь увеличить удѣльный вѣсъ культурныхъ цѣнностей и тѣмъ самымъ еще рѣзче подчеркнуть всю важность передачи ихъ; кровное же начало все болѣе ослабляется и растворяется культурными элементами. А такъ какъ культура составляетъ одно изъ отраженій своеобразнаго (у cadaго народа) и многограннаго историческаго процесса, то вполне естественно усматривать въ націи осадокъ исторіи, а въ національномъ характерѣ — застывшій историческій процессъ.

Но такъ ли это? Развѣ люди топчутся на одномъ и томъ же мѣстѣ? Развѣ историческій процессъ исчерпывается монотоннымъ чередованіемъ однихъ и тѣхъ же событій? Развѣ человѣческая душа впитываетъ въ себя одни и тѣ же впечатлѣнія? Откуда же въ такомъ случаѣ вѣчная исторія «отцовъ и дѣтей»? Нѣтъ, въ національномъ характерѣ мы должны видѣть не покой, но текущее единство и сплоченное движеніе. И когда мы

Современная постановка освѣщена (хотя и не всегда удачно) въ книгѣ *O. Richter'a*, *Die nationale Bewegung und das Problem der nationalen Erziehung*, 1903 г. Мы лично слѣдовали во многомъ за *O. Bauer'омъ*, «*Національный вопросъ и социалдемократія*». Русск. пер. 1909 г.

говоримъ, что опредѣленный народъ на извѣстной стадіи развитія связывается въ національное единство общностью характера, то мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, что характеръ предыдущихъ поколѣній совпадаетъ съ характеромъ послѣдующихъ: народъ въ различныя эпохи своего національнаго бытія связывается уже не характеромъ, но самой исторической судьбой, социальнымъ наслѣдствомъ и прямымъ воздѣйствіемъ предковъ на потомковъ.

Общность характера пріобрѣтаетъ теперь болѣе глубокое значеніе: если раньше мы исходили изъ фактическаго отличія средняго русскаго человѣка отъ англичанина или нѣмца, то теперь мы не ограничиваемся простымъ констатированіемъ факта и восходимъ къ общности судьбы, порождающей общность характера. Индивидуальный характеръ есть своеобразный и относительно устойчивый итогъ многихъ разнородныхъ силъ, въ числѣ которыхъ имѣется сила и національной общности. Эта послѣдняя можетъ, однако, по своему чеканить характеры постольку, поскольку она не вытѣсняется дѣйствіемъ иныхъ силъ, участвующихъ въ выработкѣ характера. Если вліяніе этихъ силъ особенно велико, то возникаетъ непохожій на другихъ членовъ націи характеръ, хотя онъ и созданъ въ условіяхъ общей національной судьбы. Но даже и въ такомъ случаѣ человѣкъ есть дитя своего народа, ибо въ другой средѣ, гдѣ течетъ кровь и живутъ традиціи другой націи, въ немъ сложился бы иной національный характеръ, выработался бы иной душевный складъ. Отсюда общность характера, не простое сходство образующихъ націю индивидуумовъ, но и свидѣтельство того, что характеръ cadaго изъ нихъ находился подъ воздѣйствіемъ одной и той же силы, сплочивающей насъ въ единый народъ. Мы можемъ съ полнымъ правомъ заявить теперь, что національность заложена общностью исторической судьбы, воспитана единствомъ жизненныхъ впечатлѣній и видоизмѣнена однородностью среды (профессіи и пр.).

Пріобрѣла свое реальное значеніе и «народная душа»: она продуктъ совмѣстнаго существованія и взаимодѣйствія людей въ своеобразной исторической об-

становкѣ. Мы не можемъ впасть въ старую ошибку: объявить народную душу метафизической сущностью, независимымъ отъ индивидуальныхъ сознаний явленіемъ, особымъ субстанціальнымъ единствомъ. Нѣтъ, именно совмѣстная жизнь одинаково организованныхъ индивидуумовъ и психическое взаимодействіе ихъ порождаютъ новыя явленія, не выводимыя изъ сознанія отдѣльнаго человѣка и не растворимыя въ немъ. Право на существованіе «народной души» тщетно оспаривается указаніемъ на ея измѣнчивость: постоянства здѣсь и быть не можетъ, такъ какъ общность характера, спаивая членовъ одной и той же націи на опредѣленной ступени ея развитія, не можетъ оставаться одинаковой въ теченіи всего періода національнаго бытія.

Итакъ, существованіе особыхъ національныхъ характеровъ есть непреложный фактъ, отрицать который можетъ лишь тотъ, кто утратилъ всякое чувство и сознаніе дѣйствительности. Если же не вѣрить очевидности, то необходимо согласиться съ тѣмъ доводомъ, что различная судьба, пережитая каждымъ народомъ въ сплошномъ взаимодействіи, должна была создать и различныя національные характеры. Глубоко ошибоченъ взглядъ, усматривающій различіе націй въ одномъ только языкѣ. Онъ покоится на атомистическомъ пониманіи соціальныхъ явленій, согласно которому общество есть простая сумма внѣшне связанныхъ людей, а нація—простой итогъ индивидуальныхъ слагаемыхъ, сходныхъ между собою въ одномъ лишь языкѣ. Въ дѣйствительности же, общественная жизнь не состоитъ изъ простой суммы отдѣльныхъ индивидуальныхъ переживаній, въ ней есть еще нѣкоторый остатокъ, въ этихъ переживаніяхъ неразтворимый и ими неисчерпываемый. Сама индивидуальная психика претерпѣваетъ существенныя измѣненія, когда индивидууму приходится дѣйствовать въ обществѣ себѣ подобныхъ. Таковы хотя бы явленія изъ области психологіи толпы, когда настроеніе людской массы невольно передается и рѣзко отражается на индивидуальныхъ переживаніяхъ человѣка. Да и само появленіе языка развѣ было бы мыслимо при совершенной независимости психическихъ

явленій отъ того, что происходитъ въ психикѣ другихъ людей? Отсюда и нація есть социальное явленіе: она живетъ въ каждомъ человѣкѣ, какъ его индивидуальная особенность, какъ его національность.

А гдѣ же всѣ эти признаки націи, которыя обычно приписываются ей? Гдѣ общая территория, общій языкъ, общая религія, общія законы и обычаи, общая исторія и пр.? Всѣ эти признаки—отвѣтимъ мы—входятъ уже въ наше опредѣленіе націи. Дѣйствительно, общая исторія создаетъ общіе нравы и обычаи, законы и религію, словомъ все то, что мы назвали общностью культуры. Къ ней присоединяется общность происхожденія и составляетъ вмѣстѣ съ ней тѣ орудія, которыми общая исторія вырабатываетъ общность характера. Языкъ, въ свою очередь, является орудіемъ общей культуры, которымъ она создается и распространяется. Языкомъ обезпечивается взаимное пониманіе и обусловливается тѣсная общность сношеній.¹⁾ Всѣ эти признаки сочетаются самымъ различнымъ образомъ и зачастую присутствуетъ то одинъ, то другой изъ нихъ. Такъ, напр., общіе законы играютъ значительную роль при выработкѣ общности характера, но послѣдняя можетъ обойти ихъ, если для образованія культурной общности достаточно другихъ признаковъ. Въ сходномъ положеніи находится и религія: сербовъ и хорватовъ раздѣляетъ при общемъ языкѣ религія, нѣмцы же при вѣроисповѣдномъ разномысліи образуютъ единый народъ. Относительно территоріи нужно замѣтить, что она зачастую содѣйствуетъ разъединенію народовъ и лишь постольку составляетъ одно изъ условій національнаго бытія, поскольку обусловливаетъ собою общность судьбы. Если же культурная или естественная общность возможна помимо территоріальнаго единства, то отсутствіе послѣдняго не мѣшаетъ возникновенію национальной общности. «Нѣмецъ, находящійся

1) «Языкъ—это важнѣйшее орудіе человѣческаго общенія... Хотя не всѣ, говорящіе на одномъ языкѣ, составляютъ націю, но вато несомнѣнно, что никакая нація невозможна безъ языка» (О. Вауэръ). «Языкъ и національность—это понятія если не тождественныя, то вполне покрывающія одно другое. Предѣлы одного—тождественны съ предѣлами другого (П. Милюковъ).

въ Америкѣ подѣ вліяніемъ нѣмецкой культуры—хотя бы оно выражалось только въ нѣмецкой книгѣ и въ нѣмецкой газетѣ—дающій своимъ дѣтямъ нѣмецкое воспитаніе, остается нѣмцемъ, вопреки своей территоріальной оторванности отъ родины. Общность территоріи лишь постольку является условіемъ существованія націи, поскольку она необходима для общности культуры» (О. Бауэръ).

Въ заключеніе этого перваго очерка мы должны оправдать наше опредѣленіе націи предѣ такъ называемой психологической теоріей. Сущность націи она видитъ въ томъ сознаніи ея членовъ, которое сплачиваетъ ихъ въ одно цѣлое. «Мой народъ—тѣ, кого я считаю моимъ народомъ и съ кѣмъ сознаю свою неразрывную связь» (Рюмелинъ) ¹⁾. Эта теорія пользуется широкимъ довѣріемъ, такъ какъ идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія: она вызвана множествомъ неудачныхъ попытокъ найти объективный признакъ націи въ религіи, общемъ происхожденіи, государствѣ и пр. Всѣ подобныя опредѣленія оказывались несостоятельными потому, что они совершенно не покрывали собой многообразія національной жизни. Но и психологическая теорія, которая думала замѣнить ихъ, точно также не справилась со своей задачей. Дѣйствительно, если нація коренится только въ сознаніи принадлежности къ одному цѣлому, то почему я связываю себя въ моемъ сознаніи именно съ этими, а не съ другими людьми? Далѣе, если сибирскій крестьянинъ никогда не задумывался о своей связи съ центральной Россіей, то развѣ онъ перестаетъ быть русскимъ въ основѣ своей? Наконецъ, что же именно соз-

1) «Нація—говоритъ Г. Еллинекъ—не есть что-либо объективное, въ смыслѣ внѣшне-существующаго. Она относится, напротивъ, къ обширному классу соціальныхъ явленій, которыя вообще не могутъ быть измѣряемы внѣшними мѣрилами. *Нація есть нечто существенно субъективное, т. е. свойство опредѣленнаго содержанія сознанія.* Группа людей, сознающихъ себя объединенными множествомъ общихъ своеобразныхъ культурныхъ элементовъ и общимъ историческимъ прошлымъ и потому отличными отъ другихъ людей, образуетъ націю». *Общее ученіе о государствѣ.* Спб. 1908, ст. 85—86.

наеть русскій человекъ, когда онъ думаетъ о личной близости къ своему народу, что опредѣляетъ его принадлежность къ русской націи? Такъ или иначе, это сознаніе должно быть чѣмъ-нибудь заполнено, общая принадлежность къ единому цѣлому должна имѣть и какой-нибудь объективный признакъ. Отсюда весь этотъ вопросъ заставляеть насъ перейти къ разсмотрѣнію національнаго сознанія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нація какъ переживаніе души.

Говоря о національномъ сознаніи, мы должны подчеркнуть его относительный характеръ: оно не есть нѣчто «абсолютное», независимое отъ существованія другихъ народовъ, ибо пока человѣкъ живетъ въ родной средѣ, встрѣчаясь постоянно съ привычнымъ ему душевнымъ складомъ и физическимъ типомъ соплеменниковъ, онъ не сознаетъ своей національности. Обособленіе и мысленное выдѣленіе себя, какъ члена особаго по внутреннему и внѣшнему облику народа, появляется лишь при столкновеніи съ другимъ народомъ и чуждымъ жизненнымъ укладомъ его.. И чѣмъ больше наберется отличительныхъ признаковъ, чѣмъ рѣзче столкнется какой-нибудь народъ съ неожиданными законами и странными обычаями другого народа, тѣмъ ярче выступитъ его собственное національное своеобразіе. Вѣдь московскіе или костромскіе крестьяне меньше отличаются отъ русинъ Галиціи, нежели отъ испанскихъ или американскихъ земледѣльцевъ. Такая относительность не лишаетъ, однако, національное сознаніе болѣе или менѣе устойчиваго содержанія, такъ какъ оно вырабатывается путемъ сравненія съ нѣсколькими народами и порождается не однимъ только непосредственнымъ знакомствомъ съ ними: газеты, журналы, книги и пр. точно также приводятъ инымъ путемъ къ сходному конечному результату, къ невольному познанію того, что я схожусь съ

моимъ народомъ въ цѣломъ рядъ опредѣленныхъ признаковъ¹⁾

Это сознаніе не только личной, но и коллективной обособленности (я—членъ своего народа) не равнозначно съ любовью къ націи, съ безкорыстной преданностью ея интересамъ. Если же національное сознаніе является виднымъ мотивомъ нашего поведенія, могучимъ рычагомъ многихъ нашихъ поступковъ, то объясняется это вмѣшательствомъ новаго душевнаго переживанія, національнаго чувства. Въ нашей психикѣ даже самыя простыя явленія сознанія (ощущенія) сопровождаются обычно удовольствіемъ или неудовольствіемъ, т. е. опредѣленными чувствами. Такая эмоціональная окраска или «чувственный тонъ» присущи и болѣе сложнымъ душевнымъ явленіямъ («эстетическій вкусъ», «нравственное чувство»). Отсюда и то своеобразное чувство, которое въ различной мѣрѣ сопровождаетъ національное сознаніе и по своему окрашиваетъ его, мы назовемъ національнымъ чувствомъ. Слѣдовательно, переживаніе націи пріобрѣтаетъ дѣйственный характеръ въ томъ случаѣ, если оно удовлетворяетъ не только необходимому условію (національному сознанію), но и достаточному (національному чувству).

Чувство любви къ своему народу, неодинаковое у разныхъ лицъ и классовъ, проявляется и въ разной формѣ. Такъ, національное чувство у крестьянина зачастую покоится на консервативной силѣ привычки, на враждебномъ отношеніи къ чужимъ обычаямъ и нравамъ, тогда какъ горожанинъ многое изъ новаго и необычнаго встрѣчаетъ уже безъ особаго неудовольствія: у него національное чувство покоится на осознанной и тѣсной связи съ націей. Здѣсь національное начало сказывается въ притяженіи, въ отношеніи по-

1) Слѣдуетъ оговориться, что между сознаніемъ и характеромъ нельзя поставить знака равенства. Когда-то наши крестьяне могли не сознавать, какъ своего отличія отъ другихъ націй, такъ и своего сходства съ русской народностью въ цѣломъ, что нисколько не мѣшало быть имъ по своему національному характеру устойчивѣе и ярче другихъ людей, испытавшихъ вліяніе иноземныхъ культуръ.

ложительномъ, тамъ скорѣе въ отталкиваніи, въ отношеніи отрицательномъ.

Словомъ, чувство любви и сознаніе родственной близости къ своему народу можетъ питаться не сложившейся предубѣжденностью къ особенностямъ другого народа, но тѣмъ обстоятельствомъ, что представленіе о націи я тѣсно и порою даже неразрывно связываю (ассоцірую) съ другими представленіями, чувственный тонъ которыхъ невольно переносится и на мое представленіе о націи. Такъ, цѣлый рой дорогихъ и милыхъ воспоминаній появляется въ нашемъ сознаніи при мысли о своемъ отечествѣ. Въ нашей памяти всплываютъ тѣ знакомыя, мѣста, гдѣ протекли наши дѣтскіе годы; мы охотно посѣщаемъ ихъ, словно оставили здѣсь кусочекъ нашей души и теперь стараемся воскресить его въ нашихъ воспоминаніяхъ о родительскомъ домѣ, строгой нянѣ, старомъ учителѣ и дѣтскихъ проказахъ. И горячая привязанность къ такимъ мѣстамъ сама собой, безъ нашего вѣдома, захватываетъ и тѣсно связанное съ ними представленіе народа, къ которому мы принадлежимъ. Но такимъ переносомъ чувственного тона дѣло здѣсь не ограничивается. Національное сознаніе, вообще, говоритъ о томъ, что мы крѣпко связаны съ націей общей культурой и общей душой, что нація есть форма нашей собственной индивидуальности, а любовь къ ней есть любовь къ самому себѣ, которая сбнимаетъ и всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ соединила насъ общность національнаго характера ¹⁾. Горячая привязанность къ родной землѣ

¹⁾ «Нація есть для меня не что-то чужое,—говоритъ О. Бауэръ,—а часть моего «я», часть того самого, что существуетъ и въ моихъ соплеменникахъ. Такимъ образомъ, представленіе о націи ассоціируется съ представленіемъ о моемъ «я». Кто позоритъ націю, тѣмъ самымъ позоритъ меня самого; слава моей націи есть моя собственная слава. Ибо нація существуетъ во мнѣ и во мнѣ подобныхъ». Эти слова австрійскаго соціалиста не мѣшало-бы твердо помнить многимъ изъ моихъ соотечественниковъ. Они приобрѣтаютъ особое значеніе, если сравнить ихъ съ русскими подголосками марксистскихъ идей. «Отечества—авторитетно заявляетъ Г. Плехановъ—служать не только выраженіемъ духовныхъ особенностей различныхъ народовъ, но также—и болѣе всего—выраженіемъ *національной исключительности, взаимнаго недовѣрія между народами*

не ограничивается, далѣе, ея настоящимъ; она пытается любовно заглянуть и въ ея далекое прошлое, когда слагались и выработывались тѣ устои матеріальной и духовной культуры, которыя были переданы намъ предками¹⁾).

Конечно, мы далеко не исчерпали сказаннымъ всѣхъ сторонъ и оттѣнковъ сложнаго національнаго чувства. Каждый по своему любитъ родину. Такъ, одному дорога «святая Русь», ея религіозный смыслъ и символъ, другого захватываетъ ея государственная мощь и слава, третій испепеленъ жгучей мыслью о томъ земномъ раѣ, который омывается истиной и справедливостью и который наступитъ въ свободной и счастливой Россіи, а четвертый задумчиво повѣдаетъ намъ о той странной любви къ отчизнѣ, которую не подкупаютъ

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья.

Все человѣческое не «шевелить отраднаго мечтанья», не трогаетъ души великаго поэта, которая обращена къ природной стихіи, этому первозданному источнику національнаго сознанія и чувства.

и угнетенія одного народа другимъ» (Курс. автора). См. Г. Плехановъ. «Патріотизмъ и социализмъ», стр. 7. Отсюда этотъ мужъ разума и совѣта прописываетъ и соотвѣтствующій рецептъ русскому рабочему по необходимости должна уступить мѣсто безконечно болѣе широкой чему классу: «Въ умахъ сознательныхъ рабочихъ идея *отечества...* идея солидарности революціоннаго человѣчества, т. е. *пролетаріезъ всѣхъ странъ*». Такъ просто и скоропалительно рѣшается имъ тотъ вопросъ, о которомъ другой его нѣмецкій единомышленникъ говорить, что «гибель національности обозначаетъ для ряда ея поколѣній нужду и презрѣніе, если даже отдаленные потомки будутъ жить лучше, нежели въ томъ случаѣ, если-бы ихъ прежняя національная связь сохранилась». Р. Шпрингеръ. *Op. cit.*

1) Здѣсь, по словамъ того же Бауэра, «выражается то участіе, которое человѣкъ настоящаго можетъ принимать въ боровшемся человѣкѣ прошлаго... Подобно тому, какъ я люблю свою націю, познавши въ ея особенностяхъ мой собственный характеръ, такъ мнѣ становится дорога ея исторія при мысли о томъ, что въ ея далекихъ историческихъ судьбахъ заключаются силы, опредѣлившія характеръ моихъ предковъ, а черезъ нихъ и мою собственную индивидуальность». Национальный вопросъ и социалдемократія, стр. 149.

Многообразны и тѣ душевныя переживанія, которыми сопровождаются всѣ эти порывы. У одного тяготѣніе къ отчизнѣ теплится въ сердцѣ тихою свѣчей, бережно укрытой отъ людскихъ взоровъ; въ годину же народныхъ бѣдствій и тяжелыхъ испытаній она разомъ вспыхиваетъ и свѣтитъ такъ ярко, что рѣжетъ простой обывательскій глазъ. У другого это тяготѣніе не сокровенное достояніе, не палладіумъ души, но руководящее начало гражданской жизни; здѣсь оно сбросило съ себя религіозныя покровы и тѣсно срослось съ государствомъ и тогда—это точно вымѣренный каналъ, бурный и шумливый только въ грозу и половодье..

Ошибочно думать, наконецъ, что искреннее и глубокое національное чувство требуетъ всегда одной восторженной хвалы и нѣмого преклоненія. Нѣтъ, есть и гнѣвные слова, которыя изступленно бросаютъ въ дорогое лицо не для грубаго надругательства, но ради защиты того свѣтлаго идеала, которое это лицо должно осуществить, но отъ котораго оно удалилось. Ибо часто, даже слишкомъ часто, оправдываются слова, что

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть.

Великая ненависть бываетъ нерѣдко отраженіемъ великой любви, когда отрицаніе ведетъ насъ къ утверженію, когда ледяное «нѣтъ» служитъ обратной стороною огненнаго «да».

Вотъ почему не можемъ мы довѣрчиво и серьезно отнестись къ тому космополитическому пафосу, который часто слышался и слышится теперь въ рядахъ нашей интеллигенціи. Вселенское чувство не выдерживало до сихъ поръ жизненной закалки, отъ слова до дѣла оставался длинный путь. «Ахъ, никогда-то я не чувствовалъ любви къ родинѣ, которая будто бы присуща человѣческому сердцу... И, воистину, благословенно каждое мгновенье, когда мы чувствуемъ себя гражданами вселенной»,—говоритъ одно лицо въ разсказѣ Бунина «Тѣнь птицы». Увы, этихъ «благословенныхъ мгновений» не много выпало на долю тому, кто съ грустнымъ вздохомъ сознается, что «русская рево-

люція волнуетъ меня все-таки болѣе, чѣмъ персидская». И сколько наберется такихъ людей, которые обманываются въ подлинной основѣ своего духовнаго бытія. Кажется, что вотъ поэтъ смутнаго рокота души и ея капризныхъ достижений, упорно перевоплощаясь въ образы далекой жизни и чутко улавливая вселенскій пульсъ, — такой художникъ, казалось, долженъ былъ бы износить свою національную одежду и радостно растворить свое «я» въ міровомъ аккордѣ. И вотъ... и все же

Я на краю Земли. Я далеко на Югѣ.
На югѣ разныхъ странъ, на югѣ всей Земли.
Моя заря горитъ на предполярномъ кругѣ.
Въ моихъ моряхъ встаютъ не часто корабли.

Мой свѣточъ—Южный Крестъ. Мой свѣточъ
—отблескъ льдины.

Здѣсь горы лдяныя—одинъ пловучій храмъ.
Но за чертой мечты—мой помысель единый
Ведеть мой духъ назадъ, къ моимъ роднымъ
полямъ.

И сколько бы пространствъ—какая бы стихія
Не развернула мнѣ, въ огнѣ или въ водѣ—
Плывя, я возглашу единый кличъ: «Россія!»
Горя, я пропою: «Люблю тебя—вездѣ!»

(К. Бальмонтъ).

Итакъ, національный укладъ жизни многообразно просачивается во всѣ поры нашей души и порой достигаетъ здѣсь такой напряженности, что связанный съ нимъ духовный порывъ выходитъ за предѣлы человѣческаго постиженія, перерастаетъ логическія выкладки и растворяется въ космическомъ чувствѣ. Нашъ ограниченный опытъ (въ личной жизни и наукѣ) не даетъ возможности понять то великое броженіе души, когда она охвачена мистическимъ восторгомъ, экстазомъ брачнаго единенія съ отечествомъ, когда, въ своемъ любовномъ устремленіи къ народу, она приближается къ религіозному чувству сліянности съ Божествомъ и къ сладкому ощущенію раны отъ Его копья. Эта связь религіознаго и національнаго момента была уловлена еще І. Фихте. «Истинная любовь къ отечеству, — изла-

гаетъ его ученіе Куно Фишеръ, — религіозна, она направлена на вѣчное. Существуетъ «земная вѣчность», продолженіе нашей дѣятельности на землѣ, которая сама возможна только въ силу продолженія и прогресса нашего національнаго характера. Чтобы вѣчно остаться на землѣ мы должны увѣковѣчить себя въ нашемъ національномъ духѣ. Это возможно, если мы ему служимъ, если мы живемъ его задачами, если приносимъ себя въ жертву ему, его цѣлямъ. Любовь къ Богу и религіозна, вѣчная жизнь есть раствореніе въ Богѣ; любовь къ родинѣ и патриотическая жизнь есть раствореніе въ народномъ духѣ... Патриотическое настроеніе религіозно въ корнѣ и проникнуто чувствомъ этой связи съ вѣчнымъ; оно выходитъ за предѣлы государства и общественнаго порядка, цѣли его выше, чѣмъ простая забота о внутреннемъ мирѣ, о собственности, о личной свободѣ, о жизни и благосостояніи всѣхъ¹⁾.

Эта параллель великаго представителя и защитника національной идеи находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ направленіи мысли, которое въ обрисовкѣ душевныхъ явленій и составляемаго ими единства (человѣческаго «я»), всегда учитываетъ также и *подсознательную жизнь*. Полная и цѣльная человѣческая личность далеко не исчерпываетъ себя одними мыслительными процессами: она не только познаетъ, но прежде всего живетъ, хочетъ и дѣйствуетъ. Разумъ же, самъ по себѣ, безсиленъ обнять все многообразіе жизни; успѣшно разбираясь въ отдѣльныхъ сторонахъ міра, онъ не можетъ свести всѣхъ проявленій его къ одному знаменателю. Міръ не исчерпывается логическими выкладками, бытіе и мысль не покрываютъ другъ друга: въ развертываемой наукой картинѣ всегда не хватаетъ нѣкоторыхъ красокъ и тоновъ, въ содержаніи человѣческаго опыта всегда остается не поддающійся логическому анализу (ирраціональный) сгустокъ. Указанное безсиліе разума породило множество пессимистическихъ ученій, приглашавшихъ отдѣльную личность и все человѣчество къ самоистребленію. Этотъ призывъ остался, однако, «гласомъ вопіющаго» потому, что въ душѣ человѣка нашлись иныя силы, которыя поддержали его въ стремленіи жить и дѣйствовать.

1) Фихте, его жизнь, сочиненія и ученіе. Спб. 1909, стр. 641. Многого ждетъ отъ сравненія религіознаго и національнаго момента и Фр. Герцъ. «Религія и національное чувство, говоритъ онъ, вначалѣ образуютъ неразрывное единство и только потомъ отдѣляются другъ отъ друга и стремятся къ исключительному самопроявленію. Надежда на потустороннюю жизнь ослабляла національное стремленіе къ самоопредѣленію и земную тоску по вѣчности національнаго, и наоборотъ». Задачи социалистической культуры. Спб. 1907, стр. 697.

Такими живыми источниками является, напимѣръ, «интуиція» и «религіозный опытъ». Сущность первой раскрывается не въ холодной и выдержанной работѣ ума, но въ порывахъ творчества, живомъ чувствѣ симпатіи, художественномъ вдохновеніи и загадочномъ животномъ инстинктѣ. Религіозный же опытъ состоитъ въ особомъ воспріятіи сверхчувственного міра, живое общеніе съ которымъ настраиваетъ душу на восторженный религіозный ладъ. Перевести это яркое и острое озареніе души на языкъ точныхъ формулъ логики мы полностью не можемъ. Всѣ описанія въ этомъ направленіи блѣдны и отрывочны. Религіозный опытъ обусловленъ вторженіемъ въ нашу сознательную жизнь подсознательныхъ элементовъ ¹⁾.

Отсюда можно придти къ тому болѣе широкому взгляду, что внѣшнія стороны нашей жизни во многомъ только глухой отголосокъ внутреннихъ подсознательныхъ переживаній. Логика нашихъ мыслей, чувствъ и поступковъ уходитъ своими корнями въ темную область безсознательнаго, въ самую толщу инстинкта, въ полузабытыя мѣста дѣтскихъ впечатлѣній и приснившихся когда-то сновъ. Здѣсь именно и бьетъ источникъ религіозныхъ переживаній. Наличность ихъ въ каждой душѣ подтверждается и тѣмъ соображеніемъ, что религіозная жизнь человѣчества имѣетъ за собой тысячелѣтія, глубокія слѣды которыхъ не могутъ уничтожить и стереть нѣсколько десятилѣтій. Въ той или иной формѣ при благоприятныхъ обстоятельствахъ религіозный навыкъ оживаетъ и сказывается вполне опредѣленно: дремавшая возможность превращается въ яркій фактъ.

Въ этой же подпочвенной жизни часто коренится и національное сознание и чувство. Исторія и художественная литература даютъ намъ множество примѣровъ того, какъ у людей съ явно пониженнымъ національнымъ сознаніемъ, которое они лично считали за отсутствіе его, принимало крайнія острые формы національнаго воодушевленія. Слѣдовательно, національное сознание и чувство не исчерпываются той областью сознательныхъ душевныхъ явленій, которой завѣдуетъ психологія; они живутъ и въ той области безсознательнаго, которая сообщаетъ имъ ирраціональный характеръ свойственный, напимѣръ, и правовой эмоціи проф. Петражицкаго

Въ тяготѣніи личности къ народной массѣ, въ стремленіи установить съ ней единство взглядовъ и настроенія есть что-то принудительное, стихійное, когда противодѣйствіе этимъ стремленіямъ грозитъ роковымъ столкновеніемъ съ какой-то высшей силой. Человѣкъ не

1) «Послѣдніе предѣлы нашего существа—говоритъ В. Джемсъ въ своемъ трудѣ «О многообразіи религіознаго опыта»—пребываютъ въ совершенно иной области бытія, чѣмъ чувственный и постигаемый міръ... Въ большинствѣ своемъ наши духовныя стремленія, по видимому, зарождаются именно въ этой области; иначе они не могли-бы овладѣвать нами такимъ образомъ, что мы не въ состояніи объяснить себѣ ихъ появленія».

можетъ иногда указать основаній отмѣченной принудительности, такъ какъ сама духовная связь съ націей зачастую находится въ темной глубинѣ его души, въ ея ирраціональномъ сгусткѣ. Этотъ сгустокъ долженъ остаться и при дальнѣйшемъ развитіи міровой и личной жизни: какъ отдѣльная душа имѣетъ всегда нѣчто неразложимое—индивидуальность, такъ и коллективное лицо, нація, не можетъ разложиться на одни общіе элементы, сполна механизироваться. Подобное утвержденіе равнозначно положительному отношенію къ націи и оправданію ея исторической судьбы. Но вѣрно-ли это?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Національная идея и космополитизмъ.

Вспомнимъ, что нація—совокупность людей, объединенныхъ общимъ характеромъ на почвѣ общей судьбы. Слѣдовательно, творческимъ элементомъ націи служитъ единство, которое въ историческомъ опытѣ находитъ блестящее оправданіе, такъ какъ тотъ же самый признакъ единства служитъ яркимъ показателемъ жизненной силы того или иного народа. Ксерксъ и Марафонъ, Ганнибалъ и Римъ, испанская «непобѣдимая армада» и «старая Англія», общеевропейская коалиція и революціонная Франція, Наполеонъ и Россія, Турція и Балканскій союзъ—вотъ единичные роковые уроки всемірной исторіи.

Однако, судъ исторіи многихъ не удовлетворяетъ: въ прошломъ были иныя движущія силы, иныя потребности, которыми уже не можетъ руководиться современный человѣкъ. Въ наше же время національная идея должна исчезнуть изъ умственного обихода просвѣщенной личности, какъ изжитая и реакціонная мысль. И мало того, что должна исчезнуть, она уже въ дѣйствительности испаряется, что краснорѣчиво подтверждается фактами широкой, общечеловѣческой солидарности. Мы живые свидѣтели небывалыхъ еще по широтѣ и разнообразію международныхъ отношеній, которыми необходимо сопровождается всегда жизнь каждаго культурнаго народа. Національное своеобразіе все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто интернаціо-

нальному общенію. Вспомнимъ, напр., о международныхъ выставкахъ, получившихъ огромное значеніе въ промышленномъ дѣлѣ и художественномъ творчествѣ. Въ этотъ круговоротъ втянута также чисто научная работа: теперь и недѣли не проходитъ, чтобы представители различныхъ національностей не съѣжались гдѣ-нибудь въ цѣляхъ совмѣстной, дружной работы. Театръ точно также переросъ національные предѣлы, пользуясь шумнымъ успѣхомъ и у чужихъ народовъ. Крупные художники и ученые числятся одновременно академиками въ другихъ государствахъ... Даже человѣческій досугъ тяготится уже предѣлами своей родины: спортивные состязанія привели къ «Олимпійскимъ играмъ», а состояніе путей сообщенія свободно удовлетворяетъ страсть къ путешествіямъ огромной массы людей. Словомъ, общность духовныхъ интересовъ у культурныхъ народовъ получила нынѣ вполне отчетливое и яркое выраженіе. Недаромъ же наши газеты и журналы наперебой стараются достигнуть возможно болѣе широкаго освѣщенія міровыхъ событій.

Въ томъ же объединительномъ направленіи идетъ и современная экономическая дѣятельность различныхъ національностей. Мы живемъ въ періодѣ мірового хозяйства, которое съ середины XIX вѣка тѣсно связываетъ между собой матеріальные интересы даже враждебныхъ и чуждыхъ другъ другу народовъ. Всѣ жизнеспособные народы образуютъ теперь какъ бы великое торговое государство съ отчетливымъ раздѣленіемъ труда: ни одинъ народъ не удовлетворяетъ самостоятельно всѣхъ своихъ потребностей и не потребляетъ самъ всѣхъ своихъ продуктовъ. Вполнѣ естественно отсюда, что всякое потрясеніе мірового хозяйства болѣзненно ощущается не одной, но множествомъ заинтересованныхъ странъ. Торговля и промышленность, уравнивая потребности разныхъ народовъ, содѣйствуютъ одновременно ихъ лучшему взаимному ознакомленію и болѣе справедливой оцѣнкѣ другъ друга, облегчаютъ возможность совмѣстной культурной работы. Въ результатъ сильное поблѣдненіе многихъ обычаевъ и нравовъ, упорные поиски всемірнаго языка послѣ установленія всемірнаго образца одежды, возникновеніе

общественнаго мнѣнія Европы, съ которымъ уже давно считался всякій разумный политикъ.

Всѣ эти факты сами собой толкають человѣческую мысль къ тому идейному выводу, что національное начало въ дальнѣйшемъ неизбежно выродится и будетъ сдано въ историческій архивъ. Личныя же усилія просвѣщеннаго человѣка должны согласоваться съ поступательнымъ ходомъ исторіи, постепенно сглаживающимъ національныя различія и сливающимъ всѣ культурныя народы въ единый общечеловѣческой организмъ. Культура едина и результаты ея всюду одни и тѣ же. Потребности человѣка, вообще, въ основѣ своей вездѣ одинаковы, одинаковы должны быть и средства къ ихъ удовлетворенію. Вотъ почему всякая національная идеологія хотя и тѣшитъ наше самолюбіе, но вводитъ насъ одновременно въ тяжкій грѣхъ умышленной реакціонности, сознательнаго отчужденія отъ русла міровой исторіи. Да и самый источникъ національнаго сознанія довольно сомнителенъ: не питается-ли онъ за-таенной враждою къ другимъ народамъ? А защита національныхъ началъ—не прямое-ли оскорбленіе общечеловѣческой идеи, злостный тормазъ культуры, источникъ вредныхъ предразсудковъ? Отсюда нравственный долгъ разумнаго человѣка—подавить въ себѣ національныя чувства, эти варварскіе отголоски, приличныя развѣ только дикимъ племенамъ. Его отечествомъ долженъ быть весь цивилизованный міръ и, въ частности, та страна, которая стоитъ во главѣ общечеловѣческаго прогресса. Свою любовь и преданность отечеству онъ можетъ выразить лишь такимъ путемъ, что станетъ живымъ и пламеннымъ посредникомъ между передовою націей цивилизованнаго міра и своимъ народомъ. Въ основу нашей мысли и поведенія должны быть положены высшія требованія вселенской культуры—таковъ исходный пунктъ и девизъ космополитизма, отразившагося сходнымъ образомъ и на построеніи педагогическаго идеала ¹⁾).

1) «Пора сбросить цѣпи и оковы національной идеи. Она сыграла свою роль и выродилась изъ служительницы прогресса въ препятствіе для прогресса. Она препятствуетъ торжеству болѣе вы-

Итакъ, національное начало—отзвукъ далекихъ временъ, мертвое знамя разныхъ окаменѣлостей. Вотъ самъ собой напрашивающійся выводъ. Подобное утверждение, однако, глубоко ошибочно въ двоякомъ отноше- нии: во-первыхъ, національная идея—дита только XIX вѣка, во-вторыхъ, она до сихъ поръ служила, будетъ и должна служить живымъ символомъ здоровой народной жизни.

Идея народности не завѣщана намъ предками, она наше достоянiе, результатъ человѣческаго прогресса въ области политическихъ и общественныхъ представле- ний. Породила ее революціонная Франція, выдвинувшая въ противоположность коронѣ идею народнаго сувере- нитета; восторженно ухватилась за нее и остальная Европа, разбуженная отъ своей дремоты побѣднымъ громомъ наполеоновскихъ войнъ. И въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи національная идея совпадала съ дви- женіями, направленными къ свободѣ и независимости. Во имя этой идеи произошло національное объедине- ніе сначала Италіи, а потомъ и Германіи. Во имя тѣхъ же идей была предпринята и Россіей освободительная война за балканскіе народы.

Существованіе и быстрое развитіе мірового хо- зяйства, какъ и прочихъ формъ международнаго обще- нія, точно также не служатъ доказательствомъ умира- нія національной идеи въ общественной и личной жиз- ни. Какъ это ни странно, но, по мнѣнію выдающихся представителей научной мысли, національная обосо- бленность не только не ослабѣваетъ, но обнаруживаетъ даже явные признаки своего усиленія. Демократизація государственнаго строя приводитъ всюду къ болѣе сильному и глубокому сознанию народомъ своего еди- ненія, общности своихъ интересовъ, чувствъ и мыслей. Одновременно заявляютъ свои права на существованіе и тѣ второстепенныя народности, которыя были не-

сокой идеи—идеи солидарности человѣчества. Эта послѣдняя идея встрѣчаетъ нынѣ все большее и большее сочувствіе, ибо все яснѣе и сильнѣе сознается интимная солидарность интересовъ цивилизован- ныхъ народовъ. Эта солидарность интересовъ чувствуется въ раз- ныхъ областяхъ». В. М. Устиновъ. Идея національнаго государства. 1906, ст. 24.

вольно захвачены общеевропейскимъ подъемомъ национальныхъ чувствъ.

Мало того, что національныя особенности не исчезаютъ и не растворяются въ міровой культурѣ: встаютъ и занимаютъ мѣсто въ общественной психикѣ казалось давно почившіе расовые моменты. «Этническіе особенности различныхъ народовъ—говоритъ авторъ «Современнаго капитализма»—ощущаются нынѣ... гораздо рѣзче, чѣмъ, скажемъ, тридцать, пятьдесятъ или полтора ста лѣтъ тому назадъ. Это впечатлѣніе становится за послѣднее время болѣе обоснованнымъ благодаря тому, что мы имѣемъ возможность ясно прослѣдить источники усиливающихся (курс. нашъ) контрастовъ между отдѣльными національными группами... Не подлежитъ никакому сомнѣнію, — продолжаетъ В. Зомбартъ, — что контрасты между различными расовыми группами (т. е. между группами, не находящимися въ близкомъ кровномъ родствѣ) обостряются или, по меньшей мѣрѣ, выступаютъ наружу послѣ того, какъ онѣ входятъ во взаимное соприкосновеніе, благодаря которому расширяется почва для междугрупповыхъ трений. Пока американскіе негры находились еще въ рабскомъ состояніи, не могло почти быть рѣчи о непріязни бѣлыхъ къ чернымъ; ихъ держали тамъ на такомъ далекомъ разстояніи отъ себя, что никому и въ голову не приходила мысль о нерасположеніи къ нимъ, такъ же какъ не можетъ быть рѣчи о непріязни къ выючнымъ животнымъ, которыми пользуются для своихъ цѣлей. Теперь же, когда негръ проникаетъ уже во всѣ поры американской жизни, въ душахъ бѣлаго населенія накопилось чрезвычайно много злобы. А національные конфликты, ожившіе за послѣднее время въ Европѣ, развѣ не обязаны своимъ существованіемъ тому обстоятельству, что развитіе капитализма уничтожаетъ этнографическое единство различныхъ территорій и приводитъ, такимъ образомъ, отдѣльные народы во взаимное соприкосновеніе»¹⁾).

1) W. Sombart. Zukunft der Juden, 1912, въ русск. пер. стр. 35—36. Эти же причины питаютъ и усиливаютъ, по его мнѣнію, и антисемитизмъ. Когда евреи начали виѣдраться во всѣ области культур-

Однако, процессъ обособленія на этомъ не остановился: мы видимъ теперь противорѣчія тамъ, гдѣ прежде ихъ не замѣчали, мы рѣзко ощущаемъ нынѣ чужую національную самобытность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою собственную. Слѣдовательно, рѣчь идетъ не болѣе и не менѣе, какъ о крутомъ сдвигѣ нашей души, о ломкѣ самихъ способовъ нашего воспріятія міра. «Нашъ взоръ, — говоритъ тотъ же ученый, — значительно изощрился въ наблюденіи расовыхъ моментовъ. Одновременно съ этимъ мы стали сознательнѣе и дифференцированнѣе въ своихъ воспріятіяхъ, мы стали разбираться болѣе критически въ своихъ взглядахъ на человѣческія особенности. Мы видимъ теперь въ отдѣльной личности значительно больше особенностей, и какъ разъ расовыхъ особенностей, чѣмъ люди просвѣтительной эпохи и даже представители церкви паулиновъ, которые ориентировались въ окружающемъ мірѣ главнымъ образомъ съ помощью идеологическихъ категорій. То, что мы называемъ «реализмомъ» нашего времени, обнаруживается и тутъ. Мы потеряли уже чувство абстракціи, которой наши отцы и дѣды еще населяли міръ: «человѣкъ», «гражданинъ» стали для насъ понятіями, которымъ мы придаемъ значеніе не реальныхъ явленій, а, въ лучшемъ случаѣ, регулятивныхъ идей».

Итакъ, дѣйствительность совершенно не оправдываетъ космополитическихъ упованій и въ наше время не приходится говорить о вселенскомъ направленіи міровой исторіи. Конечно, остается еще одинъ свободный выходъ, еще одна возможность почетнаго отступленія — это будущее. Тамъ, въ свѣтлой дали красивой мечты, осуществится все же святая идея челове-

ной жизни, то множеству профессій «представился случай войти въ ежедневное соприкосновеніе съ евреями и ознакомиться съ ихъ національными особенностями. Ежедневно создавалась почва для взаимныхъ трений, ежедневно передъ глазами отдѣльной личности конкретно проявлялись различія и контрасты между обоими народами или расами»... Сознаніе этихъ различій и контрастовъ стало уже теперь всеобщимъ. Взаимныя отношенія становятся все болѣе и болѣе натянутыми, по мѣрѣ того, какъ общеніе между евреями и окружающей ихъ средой становится болѣе тѣснымъ.

ства. Недаромъ же всѣ партіи, стремящіяся къ установленію соціального міра въ современномъ классовомъ обществѣ, зовутъ всѣ народы къ общеловѣческой солидарности и послѣдовательной тактикой всегда готовы поддержать всякій шагъ въ данномъ направленіи. Увы, и эта надежда оказывается беспочвенной: такъ думали, но такъ уже не думаютъ. Соціальная демократія не беретъ теперь подъ свою защиту космополитическаго идеала, не косится враждебно на идею національности, но хочетъ быть ея единственнымъ представителемъ. Р. Шпрингеръ держится, напр., того мнѣнія, что «чѣмъ больше человекъ обобществляется, чѣмъ больше онъ начинаетъ принимать участіе въ общественной жизни—а это съ каждымъ днемъ происходитъ все въ большей степени—тѣмъ больше государственное управленіе вынуждено приспособляться къ націямъ, тѣмъ интенсивнѣе развивается національная культура. Чѣмъ выше народное образованіе, чѣмъ многочисленнѣе интеллигенція, тѣмъ меньшія націи становятся способными развивать національную литературу и национальную культуру, и тѣмъ труднѣе онѣ поглощаются большими націями, несмотря на то, что ихъ, такъ называемая, интеллигенція все больше и больше вынуждена изучать культурные міровые языки. Ростъ демократизаціи и социализаціи общества влечетъ за собой углубленіе и расширеніе національнаго вопроса»¹⁾).

Если одинъ австрійскій социалистъ говоритъ, что такъ будетъ, то другой его товарищъ, О. Бауэръ, заявляетъ, что такъ и должно быть. Космополитическая мысль наивна въ своемъ предположеніи, что національныя различія поддерживаются въ наше время только

1) Р. Шпрингеръ. Национальная проблема. СПб. 1909, стр. 33. Того же взгляда держится и видный русскій юристъ А. Градовскій. «По мѣрѣ того, какъ европейскія государства принимаютъ болѣе свободныя формы; по мѣрѣ того, какъ у нихъ утверждается начало равноправности, развивается просвѣщеніе, усиливается самодѣятельность общества и его участіе въ политическихъ дѣлахъ,—въ каждомъ обществѣ укрѣпляется сознаніе его индивидуальныхъ особенностей, сознаніе себя какъ нравственной личности среди другихъ народовъ». Собраніе сочиненій, т. VI, СПб. 1901, стр. 3.

исключительной преданностью своеобразному укладу жизни своего народа, что прогрессъ челоѳчества ведетъ къ полному упраздненію національныхъ и другихъ перегородокъ. Наивной зовемъ мы эту мысль потому, что національное самосознаніе отнюдь не простое отраженіе характерныхъ условій окружающей обстановки въ коллективной психикѣ народа. Подобно тому, какъ всякій новый предметъ не усваивается однозначно всѣми людьми, но каждымъ изъ нихъ своеобразно перерабатывается (художникъ, археологъ и ювелиръ отнесутся, напр., далеко не одинаково къ старинной художественной чашѣ или коронѣ, которыя вызовутъ у нихъ далеко не одинаковыя представленія), такъ и всякое культурное содержаніе будетъ по своему воспринято разными народами. Эта опредѣляемость нашего воспріятія к. л. предшествующими состояніями сознанія и называется аперцепціей. Точно также и элементы чужой культуры перерабатываются народомъ въ процессѣ ихъ усвоенія и приспособляются къ его исконному быту, къ наличному запасу привычныхъ взглядовъ, чувствъ и настроеній—явленіе, которое мы назовемъ національной апперцепціей. (О ней уже шла рѣчь тогда, когда мы заявили, что нація заложена въ насъ общностью судьбы.)

Дѣйствіемъ національной апперцепціи и объясняется какъ разъ то обстоятельство, что развитіе общечеловѣческой культуры приводитъ не къ устраненію національныхъ различій, но къ ихъ укрѣпленію и расцвѣту. «Мы знаемъ, — говоритъ О. Бауэръ, — что (германская) нація втеченіе столѣтій воспринимала культурные элементы различныхъ націй. Древніе германцы сначала находились подъ сильнымъ вліяніемъ болѣе развитыхъ кельтовъ, потомъ—подъ воздѣйствіемъ римской культуры. Христіанство ввело въ составъ ихъ національной организациі элементы восточной, греческой и римской культуръ. Въ эпоху феодализма особенно велико было вліяніе южно-французской культуры, въ эпоху крестовыхъ походовъ сюда присоединилось вліяніе итальянской и восточной культуръ. Капиталистическое товарное производство прокладываетъ путь для вліянія итальянскаго гуманизма и итальянскаго возрожде-

нія. Слѣдуючіе затѣмъ вѣка опять являются свидѣтелями сильного французскаго вліянія. Вновь пробудившаяся буржуазія подвергается вліянію античної культури, французскихъ, англійскихъ, нидерландскихъ наукъ и искусствъ. Въ XIX же столѣтіи наше культурное богатство увеличивается, благодаря вліянію самыхъ различныхъ націй, даже другихъ частей свѣта. И вопреки всему этому, объ исчезновеніи національнаго своеобразія не можетъ быть и рѣчи! Этотъ фактъ объясняется національною апперцепціей: ни одна нація не воспринимаетъ инонаціональныхъ элементовъ въ неизмѣнномъ видѣ; каждая приспособляетъ ихъ ко всему своему бытію, подвергаетъ ихъ въ процессъ воспріятія внутрешней переработкѣ. Французскіе культурные элементы были восприняты, какъ нѣмцами, такъ и англичанами. Но въ головахъ англичанъ элементы французской культуры стали чѣмъ-то инымъ, чѣмъ въ головахъ нѣмцевъ. Уравненіе матеріальнаго содержанія различныхъ культуръ отнюдь не означаетъ уничтоженія національной индивидуальности. Никогда еще сознаніе существующаго между націями различія не было такъ отчетливо, какъ въ наше время, хотя именно теперь каждая нація учится у другихъ націй и перенимаетъ отъ нихъ гораздо больше, чѣмъ когда-либо раньше». Отсюда вполне послѣдовательно О. Бауэръ и для будщаго предполагаетъ, что «ни одна мысль, заимствуемая одной націей у другой, не будетъ воспринята, прежде чѣмъ она не будетъ переработана, приспособлена ко всему національному бытію. Такимъ образомъ, новая поэзія и новое искусство, новая философія и новая система общественной воли и дѣятельности будетъ восприниматься не механически, а въ переработанномъ видѣ». Вотъ почему и «въ соціалистическомъ обществѣ новые элементы духовной культуры найдутъ себѣ доступъ въ какой-нибудь націи не иначе, какъ растворивъ себя во всей ея національной культурѣ. Вотъ почему автономія національной культурной общности въ соціалистическомъ обществѣ означаетъ растущую дифференціацію духовной культуры націй, несмотря на уравненіе

матеріального содержанія національ-
ныхъ культуръ»¹⁾).

Итакъ, всѣ жизнеспособные народы вовлечены нынѣ въ міровой обмѣнъ матеріальными и духовными цѣнностями, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ и не хочетъ отказаться отъ свойственнаго ему особаго уклада личной и общественной жизни. Міровое сотрудничество не разрушаетъ индивидуальности, международное общеніе не распыляетъ національныхъ единицъ. Это прискорбное явленіе—скажутъ иные. Въ этомъ — источникъ жизни, отвѣтимъ мы. Но прежде чѣмъ подойти вплотную къ вопросу о цѣнности націи, объ оправданія ея съ этической точки зрѣнія, мы должны обстоятельно выяснитъ взаимное отношеніе національнаго и общечеловѣческаго начала.

Находится-ли національная идея въ полномъ противорѣчій съ идеей человѣчества, лишена-ли каждая изъ нихъ всякихъ точекъ соприкосновенія съ другой?

Раскроемъ прежде всего тѣ скобки, въ которыя заключены понятія «націи» и «человѣчества», ибо пока мы не дадимъ себѣ яснаго отчета въ ихъ содержаніи, всякое разсужденіе сведется къ пустому словопренію. Понятіе націи было уже нами опредѣлено, понятіе же человѣчества при ближайшемъ анализѣ его сводится къ туманному и расплывчатому образу чего-то такого, что должно объединить всѣ или хотя бы одни культурные народы. Результатъ получается такой же, что и при представленіи треугольника вообще, который въ человѣческомъ сознаніи оказывается всегда либо остроугольнымъ, либо прямоугольнымъ, либо тупоугольнымъ: треугольника же вообще никакъ не получается. Такимъ образомъ, данная геометрическая фигура не усваивается человѣческимъ сознаніемъ въ видѣ суммы изъ трехъ слагаемыхъ, хотя въ то же время несомнѣнно, что составить ясное понятіе о ней возможно только при учетѣ трехъ ея разновидностей. Въ сходномъ положеніи находится и идея человѣчества: если ее сводить къ простому итогу механическаго соединенія различныхъ

1) *Op. cit.* стр. 111—112 и 163.

націй, то въ результатѣ получится смутный образъ, ничего не говорящій ни сердцу, ни уму; но ясно въ то же время, что въ составъ ея должны войти различные народы, иначе мы не получили-бы идеи человѣчества.

Итакъ, что такая общечеловѣческая цивилизація и соотвѣтствующая ей идеологія? Отвѣтъ требуетъ нѣкотораго измѣненія въ постановкѣ самаго вопроса. А именно, ближе къ дѣлу и точнѣе говорить объ общечеловѣческомъ въ цивилизаціи, т. е. о совокупности такихъ условій, которыя должны быть восприняты каждымъ народомъ независимо отъ его національной особенности. Это измѣненіе оправдывается тѣмъ, что самый рѣшительный защитникъ идеи человѣчества не станетъ навязывать своему народу всей культуры другой націи, но будетъ настаивать лишь на томъ, чтобы имъ изъ чужеземной культурной работы было усвоено нѣчто, но отнюдь не все; это нѣчто и есть начало общечеловѣческое, все же остальное предоставляется свободному творчеству cadaго народа. Общечеловѣческимъ же мы называемъ то, что выводится непосредственно изъ природы человѣка, т. е. внѣ условій пространства и времени и, слѣдовательно, внѣ отношеній къ той народности, которая накладываетъ свой особый отпечатокъ, опредѣляетъ его физическій и духовный обликъ. Словомъ, понятіе человѣка вырабатывается здѣсь путемъ опущенія тѣхъ историческихъ условій, которыя зоологическую «особь» преобразуютъ въ «личность». Слѣдовательно, отношеніе между общечеловѣческой и національной идеей таково же, что и между треугольникомъ вообще и хотя-бы треугольникомъ прямоугольнымъ. Если мы и говоримъ о треугольникѣ вообще, то представить или образовать его мы можемъ только опредѣленнымъ сочетаніемъ прямыхъ линій. Отсюда и реальное существованіе общечеловѣческаго возможно только въ его воплощеніяхъ, т. е. въ искусствѣ, философій, учрежденіяхъ и пр. разныхъ народовъ. «Эти различныя выраженія народной мысли и нравственныхъ стремленій,—говоритъ А. Градовскій, — не могутъ быть замѣнены однообразными учрежденіями и формами, построенными на отвлеченныхъ представленіяхъ о чело-

вѣческихъ стремленіяхъ и способностяхъ, ибо въ мірѣ существуютъ не слова и понятія, а народы и люди. Что сказали-бы мы, на примѣръ, если бы кто-нибудь предложилъ уничтожить всѣ различныя формы семьи и замѣнить ихъ единообразной формой, на томъ основаніи, что - де семья удовлетворяетъ единообразнымъ стремленіямъ человѣческой природы? Не сказали-ли бы мы, что хотя, дѣйствительно, каждая форма семьи основана на извѣстномъ общечеловѣческомъ стремленіи, слѣдовательно, въ каждой семьѣ есть нѣчто общечеловѣческое, но что изъ этого никакъ нельзя вывести необходимость уничтожить конкретныя формы семейнаго быта, созданныя культурою отдѣльныхъ народовъ? Въ самомъ дѣлѣ, что нужно было-бы сдѣлать для этого? Мы должны были бы уничтожить не только внѣшнія формы семьи, которыя можно уловить и опредѣлить юридически, но коснуться и неуловимыхъ, но важныхъ мелочей семейнаго быта, жизни, которыя составляютъ сущность живыхъ семей англійской, французской, нѣмецкой, польской, русской» ¹⁾.

Мы пришли какъ будто къ выводу, что идея человечества есть только обманчивая видимость, пустая фикція, лишенная всякаго значенія въ міровой жизни. Но въ такомъ случаѣ мы грубо заблуждались бы, такъ какъ указанное понятіе играетъ важную роль въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, идея человечества постоянно напоминаетъ намъ о совокупности тѣхъ условій, которыя необходимы для здоровой жизни личности и народа при всѣхъ ихъ своеобразныхъ уклоненіяхъ (свобода слова и совѣсти, правый судъ и просвѣщеніе), и тогда эта идея служитъ основаніемъ для критики національныхъ недостатковъ. Во-вторыхъ, общечеловѣческими можно назвать тѣ внѣшнія, техническія условія для осуществленія матеріальныхъ или духовныхъ задачъ, усвоеніе которыхъ не обусловлено отреченіемъ отъ своей народности, отказомъ отъ творческой самобытности (пути сообщенія и машины, техника въ музыкѣ и художественномъ письмѣ).

Однако, «величайшимъ заблужденіемъ было-бы

1) Op. cit. стр. 176.

думать,—говорить тотъ же А. Градовскій,—что изученіемъ и усвоеніемъ общечеловѣческаго въ цивилизаціи исчерпывается задача культурнаго народа. Напротивъ, эта работа только подготовительная. За нею начинается настоящая культурная жизнь народа; внѣшнія условія культуры не создаютъ ея содержанія. Содержаніе это вырабатывается или должно вырабатываться самими народами, и въ особенностяхъ каждой культуры раскрывается все разнообразное содержаніе чело­вѣческаго духа, котораго ни одинъ народъ своею частною цивилизаціей исчерпать не можетъ. Содержаніе чело­вѣческой мысли и духа мы можемъ видѣть только въ культурахъ разныхъ народовъ. И въ дѣлѣ раскрытія внутренняго содержанія каждаго народа общечеловѣческія условія играютъ вспомо­гательную служебную роль. Они не могутъ быть цѣлью народной дѣятельности. Мы дорожимъ, говоря безъ фразъ и околичностей, формами европейской жизни потому, что онѣ даютъ, по нашему мнѣнію, наибольшія гарантіи для личной и общественной свободы, т. е. открываютъ широкій просторъ личной предприимчивости и народному творчеству. Если бы мы не дорожили своимъ внутреннимъ содержаніемъ, то для чего, спрашивается, нужна была бы гражданская свобода? Для подражанія, для заимствованія самого содержанія чужой жизни свобода не нужна: для этого нужна жестокая рука неумолимаго педагога. Выиграло бы само чело­вѣчество отъ однообразія въ содержаніи разныхъ культуръ? Величайшее счастье европейца до настоящаго времени состоитъ въ томъ, что онъ можетъ изучать философію въ различныхъ ея направ­леніяхъ, соотвѣтствующихъ особенностямъ отдѣльных народовъ, т. е. философію англійскую, нѣмецкую, французскую, наслаждаться поэзіею и искусствомъ разныхъ народовъ. Величайшее несчастье постигнетъ его, когда онъ вездѣ будетъ видѣть одно и то же, т. е. когда свободное творчество разныхъ народовъ погибнетъ въ мертвенномъ единствѣ ¹⁾).

1) *Op. cit.* стр. 178.

Чтобы покончить съ вопросомъ о правѣ различныхъ націй на существованіе, обратимся къ разбору мнѣній Вл. Соловьева, этого пламеннаго защитника вселенскаго идеала. Національность есть ограниченность и прогрессъ исторіи заключается въ разрывѣ этой ограниченности, въ переходѣ отъ народности къ всечеловѣческому. Предпочтеніе болѣе конкретнаго и опредѣленнаго типа сравнительно съ человѣчествомъ равносильно пониженію нравственныхъ требованій. «Ибо совершенно несомнѣнно, что интересы національные (въ тѣсномъ смыслѣ) гораздо конкретнѣе, опредѣленнѣе и яснѣе интересовъ цѣлаго...; точно также несомнѣнно, что интересы какого-нибудь сословія или партіи всегда опредѣленнѣе и конкретнѣе, нежели интересы общенаціональные и, наконецъ, уже вовсе никакому сомнѣнію не подлежитъ, что для всякаго его личные эгоистическіе интересы суть изъ всѣхъ прочихъ самые ясныя, самые опредѣленные и конкретныя»¹⁾. Вообще, отношеніе между національнымъ и общечеловѣческимъ началомъ оказывается несостоятельнымъ, если представлять себѣ, что человѣчество относится къ національнымъ группамъ, какъ родъ къ видамъ (треугольникъ къ своимъ разновидностямъ). Подобный взглядъ нынѣ устарѣлъ и замѣненъ другимъ, согласно которому «человѣчество относится къ племенамъ и народамъ, его составляющимъ, не какъ родъ къ видамъ, а какъ *цѣлое къ частямъ*, какъ реальный и живой организмъ къ своимъ органамъ или членамъ, жизнь которыхъ существенно и необходимо опредѣляется жизнью всего тѣла»²⁾. Отсюда вполне естественно вытекаетъ и практическая программа: «если всякая частная группа, національная или племенная, есть лишь органъ (орудіе) человѣчества, то наши обязанности къ народу или племени, т. е. къ *орудію*, существенно обусловлены высшими обязанностями по отношенію къ тому, для чего это орудіе должно служить. Мы обязаны подчиняться народу лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ самъ подчинялся высшимъ интересамъ цѣлаго человѣчества»³⁾.

Но и эта космополитическая формулировка точно также построена на пескѣ. Дѣйствительно, пусть органическое пониманіе человѣческой исторіи вполне свободно отъ недостатковъ и промаховъ (хотя органическая теорія общества рѣшительно утратила въ наше время свое бывшее значеніе), пусть аналогія человѣчества и организма вполне справедлива и правильна, тѣмъ не менѣе, выводъ отсюда получается такой, что Вл. Соловьевъ сталь-бы отмахиваться отъ него руками и ногами. Не говоря уже о томъ, что органической взглядъ на человѣчество отнюдь не отрицаетъ своеобразной работы сложившихся національныхъ величинъ, онъ, вмѣстѣ съ призывомъ всего человѣчества къ идейной и трудовой солидарности, приводитъ неизбѣжно къ понятію «призванной»

1) Собраніе сочиненій. Т. V. СПб. 1912, стр. 130.

2) *Op. cit.* стр. 130.

3) *Op. cit.* стр. 131—132. Ср. также *Русская идея*. М. 1911, стр. 4.

націи или расы. Вѣдь само собой разумѣется, что работа человѣческаго организма опредѣляется не столько рукой или однимъ изъ ея пальцевъ, сколько дѣятельностью нашего мозга, которымъ управляются всѣ части или органы нашего тѣла. Понятно, что на мозговую дѣятельность человѣчества будетъ притязать не одинъ народъ, ибо кому-же охота олицетворять собою безымянный палецъ лѣвой или правой руки?

Мысль о «призванномъ» народѣ старались обосновать слѣдующей теоріей. Міровая исторія въ своемъ послѣдовательномъ ходѣ развертываетъ опредѣленный планъ, осуществляетъ одну общую идею. Міровая же идея не обнаруживается цѣликомъ въ к.-л. отдѣльной эпохѣ, составляющей только ея частное проявленіе, одинъ изъ моментовъ ея развитія. Эта частная идея эпохи воплощается въ опредѣленномъ народѣ, который и становится во главѣ цивилизаціи своего времени и сообщаетъ ему свой особый характеръ. Онъ господствуетъ надъ другими народами, лишенными всякаго участія въ развитіи той общей идеи, осуществленіе которой есть конечная цѣль человѣческой исторіи.

Указанная органическая аналогія и протягиваетъ какъ разъ свою руку тому грубому пониманію національной идеи, которая покоится на узкой исключительности народа и превосходствѣ его надъ другими народами. Наше же время стоитъ на иной плоскости: оно видитъ въ народности живую соборную личность, имѣющую полное право на свободное развитіе заложенныхъ въ ней способностей. Это разнообразіе національныхъ культуръ—необходимое условіе общечеловѣческой культуры и цивилизаціи. Каждый народъ осуществляетъ одну изъ сторонъ міровой жизни; лишитъ человѣчество его своеобразныхъ элементовъ равносильно оскорбленію человѣческаго духа. Такой взглядъ раздѣляется и Вл. Соловьевымъ, когда онъ говоритъ, что «всякая народность имѣетъ право жить и свободно развивать свои силы, не нарушая такихъ же правъ другихъ народностей. Это равное право для всѣхъ народовъ вносить въ политику нѣкоторую высшую нравственную идею, которой должно быть подчинено національное себялюбіе». Ясно, что эти слова—результатъ нравственнаго убѣжденія, а не логическій выводъ изъ органической теоріи, которая именно равноправности и не можетъ открыть въ работѣ разныхъ частей нашего тѣла.

Этимъ противорѣчіемъ дѣло здѣсь не ограничивается. Сравненіе съ организмомъ не согласуется съ равноправностью народовъ не только въ статическомъ, но и динамическомъ отношеніи. Организмъ не можетъ претерпѣвать столь многообразныхъ измѣненій, какъ человѣческая исторія. Если центральное мѣсто въ ней занимаетъ въ опредѣленную эпоху одинъ какой-либо народъ, а въ слѣдующую эпоху его смѣняетъ другой народъ (Греція и Римъ), то въ процессѣ развитія человѣческаго тѣла голова не можетъ очутиться на мѣстѣ ноги, равно какъ и послѣдняя не можетъ стать вмѣстилищемъ мозга.

Итакъ, на примѣрѣ Вл. Соловьева мы лишній разъ убѣдились въ справедливости тѣхъ словъ Хомякова, гдѣ онъ говоритъ,

что «народность есть начало общечеловѣческое, облеченное въ живыя формы народа; съ одной стороны, какъ общечеловѣческое, она собою богатитъ все человѣчество, выражаясь то въ Фидіи и Платонѣ, то въ Рафаэлѣ и Вико, то въ Бэконѣ и Вальтеръ-Скоттѣ, то въ Гегелѣ и Гёте; съ другой стороны, какъ живое, а не отвлеченное проявленіе человѣчества, она живить и строить умъ человѣка».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Цѣнность націи.

Мы пришли, слѣдовательно, къ тому выводу, что нація не есть замкнутая общественная группа, неволью или умышленно разорвавшая живую связь съ другими народами. Напротивъ, она находится съ ними въ тѣсныхъ взаимоотношеніяхъ, что не разрушаетъ, однако, національнаго своеобразія и не растворяетъ соборной личности народа въ общемъ потокѣ міровой жизни. Таково наше отношеніе къ объективной сторонѣ націи, т. е. къ многообразнымъ ея проявленіямъ во всѣхъ областяхъ общественной, политической и культурной жизни. Такъ же положительно относимся мы и къ субъективной сторонѣ націи, т. е. ко всѣмъ тѣмъ индивидуальнымъ и коллективнымъ переживаніямъ, которыя мы зовемъ національнымъ чувствомъ, сознаниемъ, міровозрѣніемъ, идеаломъ и пр. Идея общечеловѣчества терпитъ крушеніе не только въ силу разнорѣчія съ наличной дѣйствительностью: она ошибочна также и для будущихъ временъ. Национальная же идея построена въ тѣсномъ и живомъ взаимоотношеніи съ дѣйствительностью, она удовлетворяетъ наше чувство реального и въ то же время отнюдь не затемняетъ общечеловѣческаго горизонта. Задача настоящей главы и состоитъ какъ разъ въ дальнѣйшемъ утвержденіи національной идеи, въ оправданіи ея съ точки зрѣнія человѣческаго познанія и творчества, въ выясненіи ея необходимости съ этической и эстетической стороны.

Опредѣленіе национальныхъ особенностей есть простое требованіе логики уже потому, что міръ

представляет собой не однообразную зеркальную поверхность, но единство во многообразии, цѣлое съ правильнымъ соотношеніемъ частей. Постигненіе этого цѣлаго или системы возможно только путемъ различенія, т. е. указанія каждаго изъ тѣхъ признаковъ, совокупность которыхъ даетъ намъ понятіе предмета и постепенно ведетъ насъ къ его идеѣ. Именно такимъ путемъ выясняется объективная сторона націи, многогранное своеобразие въ различныхъ направленіяхъ ея жизни, точно также должны опредѣлить мы и субъективную сторону націи, ея назначеніе или идею, которую она осуществила и должна осуществлять въ своемъ историческомъ бытіи.

Всякое же заданіе и претвореніе его въ жизнь возможно лишь только при наличности самосознанія, отсутствіе котораго сравняло бы народъ со стадомъ. Національное самосознаніе, подобно личному, есть плодъ тяжелыхъ усилій и мукъ человечества. Когда мы презрительно отзываемся о дикаряхъ, что всѣ они похожи другъ на друга, мы тѣмъ самымъ подчеркиваемъ, что личность есть продуктъ общественнаго развитія, конечный результатъ психологической переработки силами цивилизаціи біологической особи. Въ расплывчатой и косной душѣ дикаря не проснулось еще чувство своей особы, ей не достаетъ какихъ-то скрѣпъ, которыя могли бы дать его психикѣ извѣстную устойчивость, укрѣпить работу мысли и волевой аппаратъ. «Въ ряду этихъ психическихъ скрѣпъ, объединяющихъ личность,—говоритъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, —упомянемъ прежде всего о той, которая тѣснѣйшимъ образомъ связана съ развитіемъ языка и умственной дѣятельности. — Это именно національность. Всѣ мы имѣемъ національность, и наша психика работаетъ на ея основахъ, а потому мы и не замѣчаемъ психическаго значенія національности для правильнаго развитія, для нормальнаго отправленія душевныхъ функций личности, какъ не замѣчаемъ своего здоровья или воздуха, которымъ дышимъ. Только наблюдая случаи денационализаціи, т. е. тѣ, когда люди утратили свою національность, а другую еще не приобрѣли, мы можемъ замѣтить огромное значеніе этой психической

скрѣпы: денаціоналізація ведець къ упадку личности, къ ослабленію ея умственной дѣятельности, къ нравственному разложенію» ¹⁾).

Равнымъ образомъ и идеаль всякаго общенія заключается не въ распыленіи личности отдѣльнаго человека и цѣлаго народа. Личность нигдѣ и никогда не должна исчезать: ни въ семьѣ, ни въ государствѣ, ни въ человечествѣ. У всякой личности есть своя «святая святыхъ», свободная отъ внѣшняго руководства и всякаго принужденія. Выдвигая идею общенія, нужно помнить всегда о той законной долѣ обособленія, которая должна быть предоставлена каждой личности. Даже вдохновенный апостоль общечеловѣчества, Вл. Соловьевъ, и тотъ признаеть, что «національныя различія должны пребыть до конца вѣковъ: народы должны остаться на дѣлѣ обособленными членами вселенскаго организма» ²⁾).

Воспитывая индивидуальность, народность содѣйствуетъ и творчеству. Если нація есть коллективная личность, то существованіе національнаго разнообразія является кореннымъ условіемъ здоровой жизни и полнаго развитія общечеловѣческой культуры. Отдѣльный народъ не можетъ притязать на представительство всего человечества и на руководство имъ: какъ бы велика ни была его духовная мощь и матеріальная сила, онъ можетъ осуществить только одну изъ сторонъ человѣческой жизни. Вся глубина и все богатство человѣческаго духа не могутъ быть ограничены предѣлами одной какой-либо націи. Космополитизмъ правъ лишь въ томъ отношеніи, что основные результаты умственной работы всякаго культурнаго народа должны стать достояніемъ и прочихъ народностей. Однако, всякій такой результатъ мірового захвата долженъ быть вырости предварительно на національной почвѣ. Во имя полноты общечеловѣческой культуры всѣ народы должны развернуть свои особыя духовныя силы, основной

¹⁾ Собраніе сочиненій. Т. VI. (Психологія мысли и чувства). СПб. 1909, стр. 26.

²⁾ Русская идея. М. 1911, стр. 43.

же цѣлью всякой національной жизни должно быть народное творчество. Изсякновение творческих силъ въ народѣ равносильно гибели предприимчивости въ индивидуумѣ, когда онъ вѣрными шагами идетъ къ своему разложенію. Единство же цивилизации и однообразіе культурныхъ формъ во всѣхъ направленіяхъ должны пагубно отразиться на общечеловѣческой жизни и привести къ внутреннему опустошенію разныхъ народовъ, этихъ живыхъ родниковъ полной и красочной цивилизации.

Итакъ, національная идея не удовлетворяется сознаниемъ своей коллективной индивидуальности, но требуетъ и творческой солидарности съ роднымъ народомъ. Отсюда личная индивидуальность и общественный духъ суть психологическія предпосылки подлинной національной идеи.

И все же нѣтъ недостатка въ упорныхъ людяхъ, которые не устаютъ повторять, что національная идея противорѣчитъ высшимъ этическимъ задачамъ личной и общественной жизни, что она питается больше враждою къ чужимъ народамъ, нежели любовью къ своему собственному, что она обращается скорѣе къ темнымъ, чѣмъ свѣтлымъ сторонамъ человѣческаго духа. Въ доказательство ссылаются обычно на мнѣніе Вл. Соловьева, что «любованіе самимъ собою, самоугожденіе и самопоклоненіе никакъ не могутъ укрѣпить народный духъ, напротивъ, они обезсиливаютъ и разлагаютъ его. Если народъ занятъ самимъ собою, то онъ не свободенъ для всемірныхъ подвиговъ». Национальная идея есть «возведенное въ принципъ отрицаніе всѣхъ объективныхъ понятій о добрѣ и истинѣ», она не состоятельна и потому, что «исключительное утвержденіе національнаго начала въ ущербъ началамъ личному и универсальному, есть воззрѣніе прежде всего антиисторическое... Обособленіе cadaго народа въ смыслѣ отрицательномъ, т. е. его отчужденіе отъ всѣхъ другихъ и замкнутость въ себѣ, будучи дѣломъ безнравственнымъ по существу, какъ отрицаніе альтруизма и человѣческой солидарности, — является, при современномъ прогрессѣ внѣшней культуры, физической невозможностью». Споры нѣтъ, такіе доводы были-бы

вполнѣ убѣдительно, если-бы народъ и порождаемую имъ идею понимать такъ, какъ понимаетъ ихъ Вл. Соловьевъ. Но критика его бьетъ мимо цѣли, а доводы бесплодны потому, что нація отнюдь не замкнутая въ себѣ величина: она отлично уживается съ прогрессомъ культуры и идеологія ея чужда исключительности.

Покончить со взглядами Вл. Соловьева можно было-бы указаніемъ на то, что положительное отношеніе къ національной идеѣ вовсе не обязываетъ насъ принимать и тѣ извращенія, которымъ она подвергается (напр., чужебѣсіе или шовинизмъ). Если клиническую запись болѣзненныхъ симптомовъ чахотки никто не приметъ за нормальное отправленіе нашихъ легкихъ, то почему именно національное начало силкомъ втискивать въ его болѣзненные искаженія. Однако, подобной ссылкой мы не ограничимся, и подвергнемъ болѣе обстоятельной критикѣ тѣ мысли Вл. Соловьева, гдѣ онъ доказываетъ этическую невозможность остановиться на національной идеѣ, руководствуясь ея большей опредѣленностью и пр. Въ такомъ случаѣ, думаетъ онъ, наиболѣе убѣдительно и ясны интересы личные. А можно-ли отсюда ставить ихъ въ красный уголъ своего нравственнаго бытѣя? Попытаемся же найти выходъ въ безвыходномъ какъ-будто положеніи.

Христіанская заповѣдь говоритъ человѣку: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. На первый взглядъ она кажется простой и ясной, но прозрачность ея утрачивается при дальнѣйшемъ размышленіи. Я встрѣчаю голоднаго, что мнѣ дѣлать?—Отдать ему, что ты имѣешь.—Хорошо. Ко мнѣ придутъ десятки и сотни людей, каждаго-ли изъ нихъ я долженъ накормить и отдать все до послѣдней нитки? Мало того, не долженъ-ли я самъ отправиться на поиски нужды и бѣдности? Я знаю, что въ моемъ городѣ каждый день голодаютъ нѣкоторые люди, долженъ-ли я постоянно обходить ихъ и забросить поэтому всѣ мои дѣла? Долженъ-ли я, затѣмъ, раздавши уже все свое состояніе, оказывать помощь совѣтомъ и утѣшеніемъ? Таково-ли содержаніе заповѣди о любви къ ближнему.

Если да, то ясно, что для себя лично я никогда не буду имѣть ни времени, ни силъ; а тѣмъ самымъ заповѣдь подкапывается подъ самое себя. Если бы человѣкъ обязанъ былъ всюду и всегда отдавать себя чужимъ дѣламъ прежде, чѣмъ братья за собственныя, то полное осуществленіе заповѣди о любви къ ближнему пришло-бы къ невообразимой путаницѣ всѣхъ людскихъ отношеній «Если-бы каждый—говоритъ Фр. Паульсенъ—согласно притчѣ Христа о богатомъ юношѣ, захотѣлъ продать свое добро и вырученныя деньги раздать бѣднымъ, то въ результатѣ получился-бы постоянный круговоротъ благъ или, точнѣе, въ такомъ случаѣ уже не существовало-бы никого, кто захотѣлъ-бы покупать и брать: христіанская заповѣдь въ указанной общей формулировкѣ упраздняется сама собой. Она предполагаетъ, что есть другіе люди, которые, не заботясь о заповѣди, хотятъ брать и покупать»¹⁾.

1) *Fr. Paulsen, System der Ethik, II томъ, 1906 г., стр. 177.*

Слѣдовательно, необходимы какія нибудь ограниченія или болѣе точныя опредѣленія этой заповѣди, чтобы она могла стать этическимъ закономъ или правиломъ. Дѣйствительно, нравственный долгъ нашъ по отношенію къ чужимъ лицамъ ограничивается, во первыхъ, обязанностями по отношенію къ *самимъ себѣ*. Мы должны укрѣплять и развивать заложенные въ насъ природою способности. Пренебреженіе къ нимъ равносильно отказу отъ личнаго совершенствованія. Во-вторыхъ, заботясь о чужомъ благополучіи, мы должны учитывать *самостоятельность другихъ*, ослаблять которую не имѣетъ права никакая благотворительность, ни одна щедрая помощь. Самодѣятельность чужого «я» должна сохраняться, ибо она коренное условіе всякой здоровой жизни¹⁾. Наконецъ, въ-третьихъ, мы должны помнить о нашихъ *особыхъ обязанностяхъ по отношенію къ особо близкимъ намъ людямъ*. «Всякій—говоритъ Фр. Паульсенъ—находится въ сношеніяхъ съ лицами, которыя особенно притязаютъ на его попеченіе и заботливую помощь; это дѣти и родители, родственники и друзья, слуги и рабочіе, сосѣди и домочадцы. Имъ въ первую голову отдаетъ онъ свои силы и средства. Если кто-нибудь отдастъ свое имущество чужому, нищему или любому благотворительному учрежденію, а своимъ домашнимъ тѣмъ самымъ повредить, если какая-нибудь мать предсѣдательствуетъ въ семи благотворительныхъ кружкахъ и забросила своихъ дѣтей, то мы отнесемся къ этому далеко не снисходительно. Мы сказали-бы: вначалѣ долгъ, потомъ заслуга, сперва исполненіе особыхъ обязанностей, а затѣмъ выборъ и дальнѣйшихъ задачъ. Что хорошо своимъ, можемъ мы повторить и здѣсь, это достаточно знаетъ каждый, какъ помочь чужимъ—усмотрѣть значительно труднѣе, а зачастую и невозможно. Нужно-бы подумать, далѣе, о томъ обществѣ, къ которому принадлежитъ отдѣльный человѣкъ. Равнымъ образомъ, на его трудъ и дѣятельность вполнѣ основательно притязаютъ община и народъ».

Всѣмъ только-что сказаннымъ мы дали посильный, хотя и отрывочный, отвѣтъ на ложное предубѣжденіе Вл. Соловьева къ національной идеѣ. Этотъ русскій мыслитель служитъ всегда источникомъ великаго множества космополитическихъ убѣжденій. Пользующіеся этимъ чистымъ источникомъ забываютъ, однако, что его вселенская проповѣдь своей отправной точкой имѣетъ ясно выраженный религіозный идеаль. Только на почвѣ этого даже церковнаго идеала и возможна была позиція Вл. Соловьева. Нація, равно какъ и государство, часто служили ему олицетвореніемъ язычества, которое должно было раствориться въ единой вселенской церкви. Вотъ почему и всѣ относящіяся къ нашему вопросу формулировки выражены имъ въ богословскихъ терминахъ «отцовства», «сыновства» и пр. Ибо въ вѣчныхъ истинахъ религіи искалъ онъ отвѣта. «Идея

1) «Цѣль всякой помощи заключается собственно въ томъ, чтобы сдѣлать себя избыточнымъ. Это положеніе ясно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о связномъ и длительномъ попеченіи. Въ воспитаніе мы имѣемъ наиболѣе широкую и планомѣрную заботу о благополучіи другихъ; оно всецѣло руководится мыслью привести воспитанника къ тому, чтобы онъ самъ взялъ въ свои руки заботу о своей жизни и своемъ благополучіи». *Fr. Paulsen, ibid, стр. 179.*

націи есть не то, что она сама думаетъ о себѣ во времени, но то, что Богъ думаетъ о ней въ вѣчности». Разрывая же завѣсу далекихъ будущихъ временъ, онъ ясно видѣлъ, что «истинная будущность: человечества, надъ которой намъ надлежитъ потрудиться, есть вселенское братство, исходящее изъ вселенскаго отечества черезъ непрестанное моральное и социальное сыновство»¹⁾.

Мы же, съ своей стороны, полагаемъ, что религія не ведетъ обязательно къ уничтоженію національной идеи. Конечно, длительная религіозная восторженность можетъ воспитать отрѣшенность отъ дѣйствительности, пренебреженіе къ суетѣ міра сего, распалая одну жажду будущей загробной жизни и вселенскаго конца. При такомъ настроеніи все земное—низменно, душа способна парить только къ небу; аскетизмъ и подвижничество отшельника служить его воплощеніемъ. Но далеко не всегда религіозное настроеніе отталкиваетъ человѣка отъ націи и государства, а временная земная жизнь утрачиваетъ свою самостоятельность, служа только юдолю тяжелыхъ грѣховъ и слезныхъ покаяній. Напротивъ, «въ правильномъ порядкѣ вещей—говоритъ І. Фихте—земная жизнь должна быть дѣйствительной жизнью, которой можно наслаждаться и которая мыслима, конечно, при ожиданіи другой, болѣе высокой... Естественное влеченіе человѣка, исчезающее только въ крайнемъ случаѣ, состоитъ въ томъ, чтобы отыскать небо уже на этой землѣ и вѣчное вплести въ свою земную повседневную работу; выростить и воспитать непреходящее во временномъ можно не только неисповѣдимымъ путемъ и не только смертными глазами, связывая непроходимую пропасть съ вѣчнымъ, но и видимымъ смертному взору путемъ»²⁾.

Итакъ, если національное начало блестяще оправдывается историческимъ опытомъ, если оно не растворяется въ общечеловѣческомъ сотрудничествѣ, равно какъ и впредь не можетъ быть изжито, если національное сознаніе и творчество вполнѣ естественны и законны въ человѣческой душѣ, воспитывая ея индивидуальность, развивая творчество, то заранѣе можно ожидать, что многообразная цѣнность націи будетъ закрѣплена и теоретической мыслью.

И дѣйствительно, уже на порогѣ XIX вѣка, какъ только проснулось и зашевелилось національное чувство, оно было четко выражено І. Фихте въ его пламенныхъ «Рѣчахъ къ нѣмецкому народу». Идеиная судьба этого мірового мыслителя весьма поучительна. Его внутренняя сущность не сразу вылилась въ ту величественную и благородную статую, вѣчнымъ пьедесталомъ которой служатъ его вдохновенныя «Рѣчи».

1) Русская идея. М. 1911, стр. 3, 43—44.

2) I. Fichte, Reden an die deutsche Nation, 1909, стр. 132.

Защитникъ свободы, онъ во вспыхнувшей французской революціи увидѣлъ міровое событіе, которое призоветъ къ созидательной работѣ все человѣчество. «Гдѣ отечество истинно-просвѣщеннаго христіанина-европейца?»—задавался онъ тогда вопросомъ и отвѣчалъ: «Такимъ отечествомъ для него является вообще Европа, а въ частности—въ каждую отдѣльную эпоху—это то европейское государство, которое стоитъ на высотѣ культуры»¹⁾. Однако, французское вторженіе, это огненное крещеніе, заставило его рѣзко измѣнить свои взгляды. Рухнула мечта о всемірномъ гражданствѣ, и Фихте обращается теперь не ко всему человѣчеству но только къ своимъ соотечественникамъ. «Я говорю для нѣмцевъ и о нѣмцахъ»—такъ онъ началъ свое патріотическое слово. «Станемъ нѣмцами и тогда мы будемъ членами общечеловѣчества»—такъ онъ закончилъ его.

Національный идеаль, по его мнѣнію, отнюдь не сводится къ задачѣ политическаго преобладанія на основѣ военной силы, онъ не можетъ быть достигнутъ путемъ физическаго насилія одной народности надъ другими. Всякій народъ займетъ почетное историческое мѣсто только упорной работой надъ развитіемъ своихъ особыхъ задатковъ и способностей, мудрымъ воспитаніемъ и самовоспитаніемъ къ сознательной жизни. Далѣе, въ національной культурѣ внѣшняя и внутренняя свобода—такое же необходимое условіе творчества, какъ и въ жизни индивидуальной. Эта свобода можетъ быть подавлена двоякимъ путемъ: во-первыхъ, завоеваніемъ народа, затыжнымъ изсякновеніемъ его творческихъ силъ, во-вторыхъ, духовнымъ плѣномъ, обреченіемъ на пассивное усвоеніе. Но какъ личность тяготится рабствомъ своего тѣла и духа, такъ и народъ не долженъ быть подручнымъ завоевателя, переводчикомъ чужихъ идей. Сохраняя полную самостоятельность, взять отъ другихъ, что можно, на правахъ свободнаго обмѣна—вотъ коренное условіе всякой здоровой національной жизни. Вотъ почему въ завоевательномъ движеніи Франціи онъ усмотрѣлъ теперь не только опасность физическаго порабоженія, но также и возможность духов-

1) Основныя черты современной эпохи. Спб. 1906 г., стр. 192.

наго плѣна, грозившаго надолго задержать самобытное развитіе народа. И послѣдній результатъ казался ему горше перваго: если иго порабощенія еще можно свергнуть той же физической силой, то искаженіе народной души явилось-бы огромнымъ и непоправимымъ, быть можетъ, несчастіемъ. Да и призванъ-ли вообще нѣмецкій народъ къ самостоятельной жизни, не требуется-ли освобожденіе его только смутнымъ инстинктомъ, первобытной психикой самосохраненія въ ущербъ интересамъ всего человѣчества. Фихте рѣшительно заявляетъ теперь, что французскія идеи суть лишь переходная ступень къ высшимъ началамъ жизни, гдѣ нѣмецкому народу уготована даже первенствующая роль. Германія пала, она въ кровавыхъ ранахъ лежитъ у ногъ завоевателя, но все же германская нація это нація по преимуществу, ибо только нѣмцы способны къ усвоенію и претворенію въ жизнь высшихъ началъ человѣческой мысли, только они одухотворили философію, религію и государство, которыя у прочихъ народовъ служатъ только механическими привѣсками.

Спасеніе народа въ національномъ воспитаніи, въ нравственномъ обновленіи его души. Въ современномъ ему педагогическомъ дѣлѣ Фихте замѣтилъ два основныхъ порока. Первый заключается въ томъ, что школа съ ея правилами и наставленіями скользитъ, какъ блѣдная картина, по уму своихъ питомцевъ, не управляя ихъ волею и не уничтожая своекорыстныхъ побужденій. Второй порокъ состоитъ въ ограниченности круга лицъ, на которыхъ распространяется образованіе. Отсюда воспитаніе необходимо реформировать въ двоякомъ направленіи, а именно, по содержанію и объему. Оно должно сдѣлаться народнымъ просвѣщеніемъ въ точномъ смыслѣ этого слова, а также служить средствомъ подлиннаго образованія нравственной личности.

Сущность новаго воспитанія, по Фихте, есть цѣлостное развитіе человѣка, какъ нравственной личности. Мысль какъ-будто и не новая. Дѣло въ томъ, однако, что это развитіе должно служить, въ конечномъ итогѣ, не интересамъ человѣческаго рода и его усовершенствованію, но прежде всего національнымъ интересамъ, интересамъ нѣмецкаго народа. Национальность—это зем-

ная вѣчность; всякій, ищущій вѣчности, долженъ любить эту земную вѣчность, свой народъ, и посильно работать для него. «Какой благородный умъ не хочетъ въ своихъ дѣтяхъ и внукахъ повторить свою собственную жизнь лучшимъ образомъ, и еще на этой землѣ снова жить въ облагороженной и совершенной жизни новыхъ поколѣній, послѣ того, какъ самъ онъ давно умеръ? Какой благородный умъ не хочетъ своимъ дѣломъ или мыслью бросить сѣмя для безконечнаго совершенствованія своего рода, внести въ сокровищницу времени кое-что новое и прежде не бывалое, что осталось-бы въ ней и сдѣлалось источникомъ новыхъ твореній?»¹⁾ Вѣра же въ непреходящее значеніе своей дѣятельности у человѣка «держится надеждой на вѣчное бытіе націи, изъ которой онъ вышелъ, и вѣрой въ ея самобытность, внѣ смѣшенія и порчи чѣмъ-либо чужимъ». Что создаетъ любовь къ своему народу и вѣра въ его вѣчность, то остается жить и переходить въ общечеловѣческое достояніе. Эти же чувства связываютъ насъ не только съ роднымъ народомъ, но черезъ него и со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Исторія и творчество націи вводятъ насъ въ исторію и творчество всего человѣчества. Здоровая вселенская жизнь возможна только при самобытномъ развитіи участвующихъ въ ней народовъ. Отсюда, воспитаніе нравственной личности естественно совпадаетъ съ воспитаніемъ національнымъ.

Это послѣднее должно удовлетворять и второму условію, т.-е. обнимать собою всѣхъ гражданъ. «Мы хотимъ—говоритъ Фихте—образовать нѣмцевъ такъ, чтобы они составили одно цѣлое, одушевляемое и руководимое въ своихъ отдѣльныхъ членахъ однимъ и тѣмъ же интересомъ».

Много воды утекло съ той поры, когда въ занятомъ французами Берлинѣ читалъ І. Фихте свои «Рѣчи къ нѣмецкому народу», многое измѣнилось въ международной обстановкѣ и философской мысли, но его взгляды не утратили и нынѣ своего этического значенія и неувядающей красоты. Национальная идея доказала свою жизнеспособность, а истинный космополитъ, по

1) Reden, стр. 132—133.

справедливому выраженію стараго Карамзина, до сихъ поръ остается «существомъ метафизическимъ или столь необыкновеннымъ явленіемъ, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить, ни осуждать его».

Народность—говорили наши с л а в я н о ф и л ы— есть начало самобытное, она живой источникъ силы, гдѣ каждый отдѣльный человѣкъ долженъ черпать свое содержаніе. Какъ соборная личность, народъ носитель особой нравственной идеи, которая и сообщаетъ ему важное значеніе. По своему содержанію «народность не только объектъ мысли, но сама мысль должна получить отъ нея свое образованіе; какъ въ исторіи общечеловѣчeskія начала проявляются не иначе, какъ въ народной средѣ, такъ и въ области наукъ мысль возводитъ эти начала въ сознаніе черезъ ту же народную среду» (Ю. Самаринъ, I, 120).

Творчество—вотъ послѣднее слово человѣческаго развитія, заявляетъ А. Градовскій. «Эта великая цѣль не можетъ быть достигнута и обезпечена одними внѣшними условіями. Для того, чтобы человѣческое слово могло сдѣлать свое дѣло, мало дать человѣку возможность говорить и писать,—нужно еще, чтобы у него было ч т ѵ сказать; другими словами, чтобы у него было внутреннее содержаніе. Содержаніе это, въ свою очередь, должно быть самостоятельно, иначе вся духовная дѣятельность человѣка выродится въ подражаніе, въ пассивное усваиваніе чужихъ мыслей, даже чужихъ чувствъ... Гдѣ же и при какихъ условіяхъ можетъ выработаться самостоятельное содержаніе личности? Здѣсь проявляется великое значеніе народности. Народность даетъ человѣку все, что можетъ сдѣлать его нравственной личностью. Она даетъ ему языкъ, какъ форму для выраженія его мыслей. И не форму только. Языкъ въ такой степени связанъ съ мыслью, что люди думаютъ словами... Слово же есть выраженіе пережитаго представленія народа о предметахъ и отношеніяхъ видимаго и невидимаго міра. Въ языкѣ выражаются особенности народныхъ понятій, особенности, такъ сказать, порядка народнаго мышленія. Стоитъ вдуматься въ особенности языковъ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго и другихъ, чтобы убѣдиться, что онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ

особенностямъ нравовъ, характера, міросозерцанія и т. д. тѣхъ народовъ, которые на нихъ говорятъ. Вотъ почему вполне самобытнымъ, творческимъ, можетъ быть только писатель, обладающій въ совершенствѣ языкомъ своего народа, знающій всѣ его изгибы, тонкости, всѣ формы. Заставьте его писать на другомъ языкѣ и вы получите декламатора, способнаго красиво говорить общія мѣста, но не способнаго выразить дѣйствительно оригинальную мысль со всѣми ея оттенками».

Мало того: народность поддерживает самобытность личности и тѣми особенностями своей культуры, которыя въ исторической жизни получаютъ особую опредѣленность и устойчивость. «Отдѣльная личность охватывается этими воплощеніями всенародной мысли, нравственности, фантазіи. Она наталкивается на нихъ каждую минуту, на каждомъ шагу. Въ типѣ семейной жизни и формѣ собственности, характерѣ сельскаго хозяйства и общественнаго управленія, въ пѣснѣ рабочаго и романѣ изъ національной жизни, складѣ церкви и характерѣ школьныхъ отношеній, вездѣ и во всемъ народность выдаетъ ему свой типъ, свой нравственный и политическій складъ, воспитываетъ его въ извѣстномъ направленіи, служитъ для него обильнымъ источникомъ вдохновенія и разочарованія, радости и горя, гордости и униженія... Народность дѣйствуетъ воспитательно на человѣческую личность потому, что она сама есть собирательная и нравственная личность.»¹⁾

Здѣсь мы встрѣчаемся съ возраженіемъ, ясно формулированнымъ П. Милюковымъ. Воспитательное значеніе національности необходимо замѣнить воздействием просто общенности. Народность—отзвукъ прошлаго, защита традиціоннаго уклада жизни отъ всякихъ покушеній на его измѣненіе. «Дальнѣйшія усовершенствованія въ процессѣ выработки общественной мысли должны были привести, рано или поздно, къ измѣненію содержанія «народнаго самосознанія». Изъ «національнаго» оно должно было сдѣлаться «обще-

1) Op. cit., стр. 259—261.

ственнымъ»—въ смыслѣ большаго вниманія къ внутренней политикѣ, лучшаго пониманія требованій современности въ этой области и болѣе активнаго отношенія къ этимъ требованіямъ... «Національное» самосознаніе является, психологически и хронологически, первымъ моментомъ, а «общественное» самосознаніе—вторымъ.»¹⁾

Предварительно оговоримся, что мы не дѣлаемъ, подобно П. Милюкову, различія между народнымъ и національнымъ. Оба выраженія однозначны для насъ по своему внутреннему составу, тождественны они и по своему филологическому содержанію: какъ народность происходитъ отъ глагола рождать, такъ и нація—отъ однозначнаго глагола nascere. Опустимъ безъ возраженія и несостоятельныя, съ нашей точки зрѣнія, взгляды автора на націю и ея внутреннюю сущность. Замѣнять же національность общественностью мы не можемъ потому, что оба понятія не одинаковы по своему психологическому содержанію. Общественный духъ или пустая форма безъ всякаго содержанія, или это національный общественный духъ. Националенъ же онъ не только въ своей данности, въ своей обусловленности личнымъ жизненнымъ укладомъ народа, но также и по своей отзывчивости къ прошлымъ вѣкамъ своего историческаго бытія, по своей связанности съ раньше поставленными національными задачами. Вспомнимъ лишь о томъ, что національный характеръ мы называли историческимъ осадкомъ, застывшей исторіей.

Возвращаясь къ нашему вопросу о цѣнности націи и оправдывая ее съ точки зрѣнія этики, мы должны привести здѣсь мнѣніе виднаго русскаго философа и вдумчиваго педагога о значеніи національной идеи при построеніи нравственнаго идеала. «Высшее нравственное начало,—говоритъ Н. Дебольскій—начало будущей нравственности, есть начало историческаго идеализма; высшее же изъ понятій, образующихъ собою это начало, есть понятіе національности. Будущая нравственность будетъ нравственностью не эгоистическою, не отвлеченно-гуманною, не утилитарною, но національною. Привычка опредѣлять

1) Очерки по исторіи русской культуры, III в., 1909, стр. 3.

нравственность лишь при помощи блѣдныхъ отвлеченностей мѣшаетъ многимъ понять истинный смыслъ выраженія «національная нравственность». При чемъ тутъ національность? могутъ они спросить. Развѣ не всегда и не вездѣ человекъ долженъ быть о д и н а к о в о нравствененъ, т.-е. честенъ, правдивъ, доброжелателенъ, трудолюбивъ и т. д.? Но дѣло въ томъ, что эти качества сами по себѣ суть только о б щ і я с х е м ы нравственной дѣятельности, не указывающія для него никакого положительнаго направленія, т.-е. проникающей ее руководящей идеи. Изъ этихъ общихъ схемъ еще нельзя вывести никакихъ указаній на тотъ образъ дѣйствій, которымъ заявить себя человекъ въ качествѣ участника современной ему культуры; т.-е. нельзя еще вывести, какія общественныя, религіозныя, научныя, художественныя убѣжденія будетъ онъ проводить въ жизнь. А въ подобномъ руководствѣ своей дѣятельности данными убѣжденіями и состоитъ живая, конкретная нравственность человека. Національное начало нравственности стремится вывести весь кругъ этихъ убѣжденій изъ того ч а с т н а г о національнаго идеала, который выражаетъ въ себѣ своеобразную задачу даннаго народа въ общечеловѣческомъ развитіи. Національная нравственность есть ничто иное, какъ с о з н а т е л ь н о е подчиненіе своихъ дѣйствій этой задачѣ. Общечеловѣческое не имѣетъ собственной реальности; поэтому, оно не можетъ быть возводимо и въ идею. Общечеловѣческое существуетъ лишь въ національномъ, ибо національное есть ничто иное, какъ племенное, достигшее общечеловѣческаго значенія. Поэтому, развивать общечеловѣческое можно лишь въ національномъ. Все общечеловѣческое достояніе есть ничто иное, какъ собраніе національныхъ продуктовъ: чистую науку пустили въ міръ не люди вообще, а греки, реформацію—не люди вообще, а нѣмцы, революцію—французы, парламентаризмъ—англичане. Вывести изъ исторіи своего народа, что можетъ онъ внести въ общечеловѣческое развитіе, подчинить этой цѣли или этимъ цѣлямъ свои убѣжденія и дѣйствія—вотъ что значитъ руководствоваться началомъ національной нравственности. Хотя это нача-

ло—и одно оно—безсознательно всегда производило общечеловѣческіе результаты, но особенность будущей нравственности будетъ состоять въ сознательномъ его дѣйствіи. И нетрудно понять причину, по которой въ будущемъ безсознательная національность должна обратиться въ сознательную. Причина эта состоитъ въ томъ, что безсознательное національное творчество человечества уже изсякло. Тѣ народы, которые развивались почему-либо въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, имѣли и благопріятный случай сорвать историческіе плоды. Они сами еще живутъ этими плодами и даютъ ихъ крохи другимъ; но новыхъ плодовъ теперь уже нѣтъ возможности найти по случаю, какъ нѣтъ возможности теперь по случаю сдѣлать—что было возможно прежде—великое открытіе или изобрѣтеніе. Между тѣмъ эти новые плоды нужны, такъ какъ жизнь народовъ видимо уже требуетъ новой пищи, а при одной старой хирѣтъ... Новую пищу должна дать и новая національность, доселѣ затертая и кормимая объѣдками со стола ея сосѣдей. Эту новую пищу она, какъ сказано, не можетъ найти случайно; для этой новой національности безсознательное національное начало, которымъ могли довольствоваться прежнія національности, должно стать началомъ сознательнымъ. Лишь проникшись сознаниемъ этого начала, сознаниемъ своего историческаго назначенія, эта новая національность сдѣлается носителемъ и творцомъ новой, болѣе совершенной жизни»¹⁾).

Сходныя мысли высказываетъ и новѣйшій представитель критической философіи Г. Риккертъ. Онъ исходитъ, какъ и Н. Дебольскій, изъ того положенія, что національной оцѣнкѣ можно дать не только психологическое объясненіе, но и философское оправданіе. Въ индивидуальной этикѣ онъ категорическій императивъ Канта замѣняетъ слѣдующей формулой: «Если ты хочешь правильно дѣйствовать, ты долженъ силами твоей индивидуальности выполнить все, что только можешь выполнить, находясь на особомъ мѣстѣ въ мірѣ

1) Н. Дебольскій, Философія основы нравственнаго воспитанія. Спб. 1880, стр. 113—115.

дѣйствительности. Ибо въ мірѣ, повсюду индивидуализированномъ, ни у кого нѣтъ точно такой же задачи, какая лежитъ на тебѣ, и всю свою жизнь вообще ты долженъ устроить такъ, чтобы она образовала собой цѣльную телеологическую эволюцію, которая въ своемъ цѣломъ представляетъ твою жизненную задачу, нигдѣ и никогда не повторяющуюся». Своей индивидуальной этикѣ Риккертъ придалъ національное толкованіе, разумѣя подъ индивидуумомъ не только конкретныхъ отдѣльныхъ лицъ, но и конкретныя коллективныя индивидуальности, т.-е. націи. Всякій народъ имѣетъ свою особую задачу, выполненіе которой (равносильное выработкѣ своей индивидуальности) и составляетъ ея нравственный долгъ. ¹⁾

Вникая глубже въ ходъ его разсужденій, отмѣтимъ прежде всего, что между этикой индивидуальной и соціальной онъ не усматриваетъ ровно никакого противорѣчія: мы соціальны для того, чтобы дѣйствовать индивидуально. Примиреніе этихъ двухъ началъ онъ и поясняетъ на примѣрѣ націи, къ этической цѣнности которой большинство философскихъ системъ не отнеслось съ надлежащимъ вниманіемъ. Обязывая всякаго человѣка этическими велѣніями, они подводили его подъ общее понятіе человѣка. Отсюда этическая цѣнность общечеловѣческаго и неизменность всего того, что служитъ помѣхой «чистой человѣчности». Вотъ почему и ярко выраженный національный характеръ былъ однозначенъ для нихъ ограниченію высшей этической цѣнности, а стремленіе быть прежде всего членомъ своей націи производило впечатлѣніе такой узости, отъ которой слѣдовало освободиться въ этическомъ интересѣ. Ясно, однако, что хотя эти нравственныя велѣнія обязательны для каждаго человѣка, тѣмъ не менѣе, общее и скудное по своему содержанію понятіе о человѣкѣ совершенно не годится для опредѣленія эческаго идеала; яркій же національный характеръ, напротивъ, обладаетъ этической цѣнностью, разъ отдѣльный человѣкъ

¹⁾ См. «Границы ественно-научнаго образованія понятій». Спб. 1903, стр. 594 и сл.

можетъ выполнить свои обязанности только въ качествѣ члена націи. «То цѣлое, къ которому принадлежитъ отдѣльное лицо, всегда получаетъ значеніе только благодаря своей индивидуальности; поэтому, быть прежде всего членомъ своей націи есть этическій долгъ, ибо большую часть нашихъ обязанностей мы можемъ выполнить вообще только въ качествѣ ея членовъ». У личности и народа всегда есть индивидуальная задача, не существующая для другого народа; поэтому, если въ мірѣ что-либо совершается, то лишь путемъ выработки національнаго своеобразія. Народъ еще болѣе отчетливо и свободно, нежели отдѣльный человѣкъ, можетъ проявить свою индивидуальность, такъ какъ отсутствіе предвзятости и стѣсненій позволяетъ легче отграничить индивидуальный капризъ отъ цѣнной индивидуальности. Кто же хочетъ быть лишь человѣкомъ, тотъ хочетъ быть тѣмъ, что онъ давно уже есть и чѣмъ только хотѣтъ быть ему вовсе не приходится.

Можно показать и дальнѣйшую несостоятельность общечеловѣческаго идеала. Приравниваніе свободы отъ всякой національности къ высшему расцвѣту нравственности никѣмъ еще послѣдовательно не защищалось. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда энтузіазмъ вызываетъ общечеловѣческое, идеаломъ оставался открытый или затушеванный національный типъ. Какъ бы ни строился космополитическій идеалъ, въ немъ всегда будетъ сквозить его происхожденіе отъ национальныхъ особенностей и переживаній.

Национальная идея выдерживаетъ равнымъ образомъ и эстетическую критику. Еще К. Леонтьевъ, этотъ болѣзненно-оригинальный мыслитель и пламенный рыцарь красоты, въ страстной проповѣди возставалъ противъ «буржуазной простоты» и «пошлаго однообразія» постылаго ему Запада. Во имя той же красочности жизни онъ требовалъ остановки «уравнительнаго прогресса» и открывалъ здѣсь горестную перспективу «сведенія всѣхъ людей къ типу европейскаго буржуа и честнаго труженика». Тонкій экспертъ по выразительности жизни, поэзіи и силы характеровъ, онъ требовалъ

не только сохраненія, но и дальнѣйшаго углубленія національныхъ и даже сословныхъ особенностей. ¹⁾).

К. Леонтьевъ во многомъ былъ, конечно, изступленнымъ мистикомъ; но вотъ человекъ совсѣмъ иной складки также подходитъ къ націи съ эстетическою оцѣнкой. «Сохраненіе каждаго «вида»—говоритъ В. Зомбартъ—есть благо, и чѣмъ цѣннѣе «видъ», тѣмъ важнѣе его сохраненіе... Міръ долженъ быть многокрасочнымъ и вымираніе самаго ничтожнаго вида растительности или незначительнаго зоологическаго вида есть большое лишеніе. Ничто не должно насъ такъ страшить, какъ обѣднѣніе міра живыми формами, а желаніе сохранить богатство формъ должно возвыситься у человечества до степени страсти. Вѣдь мы теперь какъ разъ переживаемъ время, когда человѣческой типъ проявляетъ все большую и большую тенденцію къ опошляющему однообразію. Кто наблюдалъ то пестрое разнообразіе, которое приходится еще встрѣчать среди американскаго парохода; чье сердце радовалось тѣмъ разнообразнымъ одѣяніямъ, нарѣчіямъ, привычкамъ и пѣснямъ, которыя еще господствуютъ тутъ, кто замѣтилъ, далѣе, что этотъ многоцвѣтный міръ растворился за одно или два поколѣнія въ сѣромъ, скучномъ, монотонномъ американцѣ, того охватитъ ужасъ передъ будущностью человѣческаго рода; тотъ призоветъ на помощь всѣ силы небесъ и преисподней для предотвращенія такого грубаго и жестоко-разрушительнаго дѣйствія». ²⁾ Извѣстный нѣмецкій экономистъ, принимая такъ горячо къ своему сердцу эстетику жизни, совершенно не зналъ, конечно, однородной защиты К. Леонтьевымъ своеобразнаго оттѣнка даже житейскихъ мелочей. «Внѣшнія формы быта—говоритъ этотъ поклонникъ красоты — одежды, обряды, обычаи, моды, всѣ эти разности и оттѣнки общественной эстетики ж и в о й,

1) «Эстетическое мѣрило,—заявлялъ онъ,—самое вѣрное, ибо оно *единственно общее* и ко всѣмъ обществамъ, ко всѣмъ религіямъ, ко всѣмъ эпохамъ приложимое. Что *полезно всѣмъ*—мы не знаемъ и никогда не узнаемъ. Что у всѣхъ прекрасно, изящно или высоко—пора бы обучиться». Собр. соч., т. VI, стр. 63. Ему именно принадлежитъ классическая фраза: «Россію надо подморозить.»

2) *Op. cit.*, стр. 42—43.

не той эстетики отраженія или кладбища, которой вы привыкли поклоняться, часто ничего не смысля, въ музеяхъ и на выставкахъ, всѣ эти внѣшнія формы, говорю я, вовсе не причуды, не вздоръ, не чисто «внѣшнія вещи», какъ говорятъ глупцы; нѣтъ, онѣ суть не и з б ѣ ж н ы я послѣдствія, органически вытекающія изъ перемѣнъ въ нашемъ внутреннемъ мѣрѣ; это неизбежные п с и х и ч е с к і е с и м в о л ы и д е а л о в ѣ , внутри насъ созрѣвшихъ или готовыхъ созрѣть» ¹⁾).

Даже вдохновенный поэтъ «сверхчеловѣчества», Фр. Ницше, и тотъ не можетъ освободиться отъ національной идеологii. Привѣтствуя уничтоженіе народностей и совѣтуя разумному человѣку «безбоязненно выдавать себя за добраго европейца и активно содѣйствовать сліянію націй», онъ самъ тѣмъ не менѣе обливался холоднымъ потомъ при мысли объ «искорененіи нѣмецкаго духа ради нѣмецкой «имперіи». Германія—думаетъ онъ—утратила послѣ своихъ военныхъ успѣховъ чистое понятіе культуры, этого «единства художественнаго стиля во всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ народа». Ницше не говоритъ, откуда возьмется это единство стиля, что можетъ создать его, онъ замѣчаетъ только, что «формы, краски, продукты и рѣдкости всѣхъ временъ и всѣхъ земныхъ поясовъ складываетъ нѣмецъ въ кучу вокругъ себя, и достигаетъ этимъ путемъ той современной рыночной пестроты»..., которую можно назвать скорѣе «флегматической безчувственностью къ культурѣ» ²⁾. Въ нашемъ случаѣ безразлично, вѣрна или ошибочна обрисовка Ницше современной ему жизни; намъ важно лишь подчеркнуть здѣсь, что онъ искалъ того единства художественнаго стиля, которое можетъ быть создано только психическимъ единствомъ народа. «Народъ—говоритъ онъ—за которымъ признается право на извѣстную культуру, долженъ только представлять собой въ дѣйствительности извѣстное живое единство... То единство, къ которому мы стремимся, есть нѣмецкое единство, единство нѣмецкаго духа и жизни». Отсюда понятны намъ и слѣдующія его слова: «кто согрѣшилъ передъ нѣмецкимъ языкомъ,

¹⁾ Собраніе сочиненій, т. VI, стр. 78—79.

²⁾ Полное собр. соч. М., 1909—11 г. т. III, стр. 71 и 274; т. II, стр. 5.

тотъ осквернилъ мистерію всего германизма», ибо нѣмецкій языкъ «служить залогомъ нѣмецкаго духа въ будущемъ».

Закончить настоящую главу о цѣнности націи мы должны указаніемъ на частое смѣшеніе двухъ различныхъ оцѣнокъ, относящихся къ національности. Дѣло въ томъ, что между національнымъ характеромъ и назначеніемъ зачастую не дѣлаютъ или не замѣчаютъ явнаго отличія, тогда какъ положительное отношеніе къ одному вовсе не обязываетъ насъ относиться такъ же и къ другому. Говоря о русскомъ радушіи и широкомъ размахѣ, о французской утонченности, о нѣмецкой методичности и англійской выдержанности, мы обобщаемъ здѣсь нѣкоторыя яркія черты этихъ народовъ, но ничего еще не говоримъ о смыслѣ ихъ существованія во всемирной исторіи, объ ихъ національной идеѣ. Этому насущному и коренному вопросу многими и много было отдано силъ, въ томъ числѣ Вл. Соловьевымъ и Ф. Достоевскимъ. Въ чемъ же состоитъ русская идея, каково наше историческое предназначеніе? Дѣйствительно, «когда видишь, какъ эта огромная имперія съ большимъ или меньшимъ блескомъ въ теченіе двухъ вѣковъ выступала на міровой сценѣ, когда видишь, какъ она по многимъ второстепеннымъ вопросамъ приняла европейскую цивилизацію, упорно отбрасывая по другимъ болѣе важнымъ, сохраняя такимъ образомъ оригинальность, которая, хотя и является чисто отрицательной, но не лишена тѣмъ не менѣе своеобразнаго величія, — когда видишь этотъ великій историческій фактъ, то спрашиваешь себя: какова же та мысль, которую онъ скрываетъ за собою или открываетъ намъ; каковъ идеальный принципъ, одушевляющій это огромное тѣло, какое новое слово этотъ новый народъ скажетъ человечеству; что желаетъ онъ сдѣлать въ исторіи міра?» Такимъ именно вопросомъ задался Вл. Соловьевъ и русскую идею онъ усмотрѣлъ въ томъ, чтобы «участвовать въ жизни вселенской церкви, въ развитіи великой христіанской цивилизаціи, участвовать въ этомъ по мѣрѣ силъ и особыхъ дарованій своихъ». Такой идеаль долженъ быть «единственной цѣлью, единственно истинной миссіей всякаго народа».

Другой идеальный образъ носился передъ Достоевскимъ. Характерная черта русскаго это—«всемирная отзывчивость» и мы должны быть толмачами или посредниками народовъ. Наши градушія поколѣнія поймутъ, что быть дѣйствительно русскимъ, значитъ: «стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всеобъединяющей, вмѣстѣ въ нее съ братской любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, можетъ быть, и изрѣчь окончательное слово великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону» (Пушкинская рѣчь).

Указаніемъ на взгляды обоихъ нашихъ мыслителей мы не преслѣдовали критической цѣли. Мы не думаемъ разбирать здѣсь ихъ правильность или ошибочность, но хотимъ подчеркнуть только необходимость созиданія русской идеи, національной идеологіи. Всѣ наши партіи имѣютъ обычно программу maximum и minimum но ни одна изъ нихъ не озаботилось сознательно отнестись къ вопросу о смыслѣ нашего историческаго бытія. Вопросъ праздный и метафизическій— скажутъ одни. Хорошо, но въ такомъ случаѣ сами откажитесь отъ метафизики и не говорите, напр., о желательности славянскаго единенія, которое само по себѣ, внѣ одухотворяющей его идеи, можетъ быть только политическимъ расчетомъ или однимъ голосомъ крови. Но въ томъ-то и дѣло, что наше отношеніе къ славянскому міру расчетомъ или инстинктомъ не исчерпывается и мы чувствуемъ съ нимъ болѣе глубокую связь. Отнять Галицію и взять Константинополь — вотъ наша подлинная историческая миссія — скажутъ иные. Во имя чего взять и отнять? — спросимъ мы такъ думающихъ. Позволительно сомнѣваться, чтобы политическимъ или военнымъ актомъ мы сполна осуществили русскую идею. Здѣсь можетъ быть лишь двоякій исходъ. Отрицать возможность логическаго построенія всякой національной идеи, что естественно приведетъ и къ отрицанію самаго понятія «цѣлесообразности». Если же кто удержитъ въ

своемъ міропониманіи понятіе «цѣлесообразности» и признаеть необходимость «осмысленнаго» существованія и личности и народа, тотъ долженъ вплотную подойти къ вопросу о національной идеѣ своего отечества, заимствуя отсюда свѣтъ при разрѣшеніи очередныхъ вопросовъ народной жизни, а также руководствуясь ею и въ своей личной дѣятельности.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Задачи національнаго воспитанія.

Только теперь можемъ мы приступить къ нашему основному вопросу, къ выясненію національнаго начала въ дѣлѣ воспитанія и обученія. Пока же нація представлялась намъ многоликимъ нѣчто, пока мы не раскрыли ея внутренняго содержанія и связанныхъ съ ней переживаній, пока не убѣдились въ ея творческихъ достоинствахъ, этической силѣ и красотѣ, до тѣхъ поръ не могло быть и рѣчи о задачахъ національнаго воспитанія. Внося въ педагогическую работу или только намѣчая здѣсь особые принципы, необходимо оправдать и защитить ихъ, что требуетъ, во-первыхъ, строгаго вниманія ко всѣмъ возраженіямъ, съ которыми встрѣчалась національная идея, а во-вторыхъ, яснаго отчета въ содержаніи тѣхъ понятій, съ которыми приходится имѣть здѣсь дѣло.

Общность происхожденія есть дѣло случая — говорили мы; надежная же скрѣпа и прочная гарантія національнаго единства имѣется въ общности культурной. Отсюда естественно вытекаетъ и первое требованіе національнаго воспитанія: *п р и о б щ и т ь в е с ь н а р о д а к ь н а ц і о н а л ь н о й к у л ь т у р ѣ*, наше великое духовное богатство сдѣлать достояніемъ нашихъ дѣтей и личной составной ихъ частью. Русская культура должна стать живымъ и могучимъ орудіемъ, которое, выра-

батывая національную индивидуальность, должно и въ позднѣйшихъ поколѣнiяхъ сплачивать націю, какъ общность культурную. Широкаго и полнаго воспитанiя мы можемъ ожидать лишь отъ національной школы, которая не только всѣхъ, но и въ равной мѣрѣ зоветъ воспользоваться благами ученiя. Всеобщее и равное для всѣхъ образование не значитъ, однако, что оно должно быть одинаковымъ у всѣхъ по своему объему и содержанию. Хотя каждый имѣетъ одинаковое право на заботливое отношенiе къ своему образованию, тѣмъ не менѣе у каждаго есть свои особые задатки и дарованiя, подлежащiя особому развитiю. Если возможно большее развитiе всѣхъ имѣющихся въ народѣ способностей вполнѣ отвѣчаетъ національному интересу, то это требованiе равенства имѣетъ еще и тотъ смыслъ, что оно питаетъ и поддерживаетъ сознание общности образованiя, учитъ разсматривать доставшуюся въ немъ долю какъ такое благо, которое необходимо сохранять и умножать. «Если еще можно не считать дѣла человечества погибшимъ — говоритъ П. Наторпъ — то только благодаря наблюденiю, что идея національной школы уже пустила прочные корни, что она съ поразительной силой логическаго принужденiя овладѣвала одной прогрессирующей нацией за другой и добилась своего осуществленiя въ великихъ организаціонныхъ созданiяхъ. Она должна, конечно, добиваться своего осуществленiя, этого требуетъ даже стремленiе народовъ къ самосохраненiю; ибо слишкомъ очевидно, какъ неизмѣримо нація, прошедшая школу, превосходитъ всякую другую, которая не прошла школы, хотя бы нація послѣдняго рода отличалась достаточными умственными способностями, быть можетъ, исключительно остротою чувствъ и ловкостью, хотя бы она была миролюбива и спокойна, обладала духомъ общественности и храбростью, какъ это сообщается о многихъ дикихъ племенахъ»¹⁾.

Второе требованiе національнаго воспитанiя состоитъ въ развитiи опредѣленныхъ сторонъ народной души. Соотвѣтственно цѣли здѣсь

1) П. Наторпъ. Соціальная педагогика, Спб., 1911, стр. 216.

должны быть выбраны и средства, т. е. отличаться безусловной глубиной и широкимъ захватомъ, выходящимъ за чисто школьные предѣлы. «Психологія народовъ — говоритъ И. Сикорскій — уже давно отмѣтила особенность славянской расы — слабость воли. Поэтому, въ политическомъ воспитаніи славянскаго юношества необходимо придать особое значеніе развитію воли, чтобы этимъ путемъ достигнуть истинной гармоніи духа и дать вѣрный ходъ талантливой расѣ. Славянскому народу часто не доставало силы воли: онъ то не заканчивалъ послѣдняго штриха, послѣдняго движенія въ дѣлѣ, уже исполненномъ на девять десятыхъ, то, наоборотъ, подъ вліяніемъ чувства и одушевленія начиналъ дѣло, которое еще не созрѣло и не могло быть исполнено даже націей съ болѣе сильной волей. Мы то не доканчиваемъ почти готоваго дѣла, то слишкомъ рано начинаемъ новое... мы то запаздываемъ, то безъ мѣры торопимся»¹⁾. Этотъ частичный примѣръ приводитъ насъ къ общей мысли о необходимости изучать всѣ особенности національнаго характера и согласовать съ ними наши мѣропріятія. Эти особенности, какъ и своеобразныя черты личности, могутъ быть положительными и отрицательными. Обстоятельно изучить тѣ и другія и отыскать педагогическія мѣры, содѣйствующія укрѣпленію первыхъ и искорененію вторыхъ — такова вторая задача національнаго воспитанія, о которой еще будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

Третью задачу мы усматриваемъ въ созиданіи національной сплоченности. Всѣ усилія школы должны быть направлены здѣсь къ уничтоженію или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію сословной обособленности и классовой розни, къ замѣнѣ этихъ формъ отчужденія крѣпкой національной связью на почвѣ общей культуры и дѣятельности. Усилія школы въ этомъ направленіи имѣютъ великое этическое значеніе потому, что они равнозначны борьбѣ съ своекорыстными побужденіями отдѣльнаго человѣка во имя цѣлаго,

1) Психологическія основы воспитанія и обученія. 1909, стр. 22

равносильны утверждению национальной солидарности въ противовѣсъ эгоистическимъ поползновеніямъ класса. Я не буду говорить здѣсь о сословныхъ интересахъ и приносимомъ ими вредѣ, но считаю нужнымъ упомянуть о томъ классѣ, который сознательно выдѣляетъ себя изъ національной общности въ чаяніи близкой трудовой солидарности всѣхъ народовъ. Духовные вожди социализма, замыкая рабочій народъ въ узкую классовую общность и вырабатывая въ немъ духъ обособленности и вражды, воспитываютъ тѣмъ самымъ нравственную исключительность, даютъ полный выходъ эгоистической разнузданности. Соціальный идеализмъ зачастую вырождается здѣсь въ кичливый фанатизмъ, словно грядущая свобода уготовлена для одного только класса. Рабочая солидарность переходитъ нерѣдко въ простую стадность, особенно тамъ, гдѣ культурный уровень и безъ того низокъ, какъ у насъ. Русскій рабочій въ общей массѣ очень многого не знаетъ и не понимаетъ, онъ не можетъ разобраться въ той интернациональной проповѣди, которая усердно предлагается ему догматиками марксизма. Кто же мало знаетъ, тотъ охотно вѣритъ: интернациональный призывъ зажигаетъ вѣру, переходящую въ средневѣковый фанатизмъ. Если нація обращалась до сихъ поръ съ своими рабочими, какъ съ пасынками, а не родными дѣтьми, то на этомъ основаніи пролетаріатъ еще не можетъ порвать всѣхъ нитей прогресса и культурной преемственности.

Таковы соціально-педагогическія задачи національной идеи. Однако, выясненіе этихъ широкихъ задачъ не даетъ еще намъ пониманія того, какова должна быть внутренняя суть національной школы, на чемъ она должна покоиться и какъ развиваться. Отвѣтъ на этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ именами и взглядами К. Ушинскаго и Вл. Стоюнина.

Когда въ шестидесятыхъ годахъ мы разрушили свою старую школу и завели новую по западно-европейскому образцу, то эта новая школа не вызвала особыхъ восторговъ и далеко не всѣхъ удовлетворила. Основной причиной этого недовольства былъ космополитическій и безжизненный характеръ школы. Нѣ-

мецкіе и другіе просвѣщенные педагоги одобряли наши программы и системы, но они позабыли или не догадались сказать намъ, что «дѣло школы можно разсматривать только въ связи со всѣми условіями жизни того народа, для котораго она предназначена, въ связи съ его природными способностями и наклоностями, въ связи съ его семьей и общественнымъ положеніемъ и требованіями, что живая школа не преобразуется и не создается по чужой исторіи и по чужимъ опытамъ, потому что опыты дѣлались въ извѣстной средѣ, въ извѣстной мѣстности и въ извѣстное время, можетъ быть, и очень продолжительное; они дѣлались не изъ подражанія кому-нибудь, а вызывались требованіями времени согласно съ его духомъ. Они объясняются и исторіей и характеромъ народа»¹⁾. Узнавъ отъ иностранцевъ, какъ воспитывать человека, мы узнали только половину дѣла; они дали намъ форму, но ничего не сказали о содержаніи, о томъ, какъ нужно воспитать русскаго гражданина. Вотъ почему наша преобразованная школа не влилась здоровой и дѣятельной струей въ обновленную государственную жизнь. «Чего же именно не достаетъ нашей школѣ, чтобы она могла съ честью назваться русскою школою?» — спрашивалъ Вл. Стоюнинъ. А недостаетъ ей учета реальныхъ и идеальныхъ требованій русскаго общества, согласованія съ народной психологіей и исторіей, связи съ характеромъ и строемъ нашей семьи, приноровленія къ хозяйственнымъ, климатическимъ и прочимъ сторонамъ народной жизни. Насущныя задачи подлинно русской школы должны заключаться въ развитіи такихъ душевныхъ свойствъ подрастающаго поколѣнія, которыя не получили должнаго развитія въ силу неблагоприятной исторической обстановки; сюда относится чувство законности и уваженіе къ личности, любовь къ наукѣ и стремленіе руководиться въ жизни ея данными, усвоеніе общественной нравственности и приученіе къ труду.

Наша школа потому не исполняетъ своего на-

¹⁾ Вл. Стоюнинъ. Педагогическія сочиненія (Замѣтки о русской школѣ). Спб., 1892, стр. 341.

значенія, что она ограничивается однимъ формальнымъ развитіемъ, исключительно развитіемъ-душевныхъ силъ и способностей. Въ дѣйствительности же можно быть человѣкомъ развитымъ и образованнымъ, но безъ всякаго направленія своихъ душевныхъ силъ; можно даже казаться человѣкомъ съ-убѣжденіями, но безъ всякаго стремленія къ дѣятельности, нагляднымъ примѣромъ чего служить наше юношество.

«Если бы все дѣло воспитанія состояло въ одномъ развитіи, тогда не о чемъ было бы много задумываться и спорить, какіе взять научные предметы для воспитанія, какъ распредѣлить ихъ и пр. Каждый научный предметъ можетъ быть хорошимъ средствомъ развитія въ рукахъ порядочнаго педагога»¹⁾. Но въ томъ-то и дѣло, что молодой душѣ мы хотимъ указать опредѣленное направленіе, дать извѣстный выходъ ея духовнымъ силамъ. А направленіе ея зависитъ отъ того, надъ чѣмъ ей приходилось думать, какой матеріалъ предлагался ей въ пору живого броженія ея умственныхъ и нравственныхъ силъ. Каковъ же тотъ матеріалъ, который съ наибольшей пользой можетъ здѣсь вызвать къ себѣ длительный живой интересъ?—Его слѣдуетъ брать изъ наукъ историческихъ и словесныхъ, наиболѣе способныхъ пробуждать и укрѣплять въ человѣкѣ интересъ къ человѣческимъ и гражданскимъ дѣламъ. Мы видимъ отсюда, что всѣ недостатки нашей школы, подмѣченные Вл. Стоюнинымъ, касаются только соціальной стороны воспитанія, не затрогивая индивидуальной стороны вопроса о совершенствованіи личности. Въ этомъ отношеніи его во многомъ удачно восполняетъ К. Ушинскій.

Въ складѣ русской школы должны сказаться тѣ особенности русскаго народнаго характера, которыя выдѣляютъ его въ семьѣ другихъ народовъ. Национальное своеобразіе должно проявиться въ педагогическомъ дѣлѣ потому, что воспитаніе cadaго народа покоится на особомъ, ему только свойственномъ, идеалѣ человѣка. «Идеаль этотъ у cadaго народа соотвѣтствуетъ его характеру, опредѣляется его обще-

1) *Op. cit.*, стр. 241.

ственной жизнью, развивается вмѣстѣ съ его развитіемъ, и выясненіе его составляетъ главнѣйшую задачу каждой народной литературы»¹⁾. Народный идеаль всегда шевелится въ глубинѣ души каждого человѣка, онъ можетъ сознавать недостижимость его лично для себя, но тѣмъ не менѣе этотъ идеаль служитъ ему мѣриломъ разнообразныхъ оцѣнокъ. Народъ всегда накладываетъ на систему образованія свой отпечатокъ, который и долженъ принять во вниманіе чуткій и разумный педагогъ. Какъ невозможно жить по чужой указкѣ, такъ невозможно и воспитываться по чужому образу. «Основанія воспитанія и цѣль его, а слѣдовательно и главное его направленіе различны у каждого народа и опредѣляются народнымъ характеромъ, тогда какъ педагогическія частности могутъ свободно переходить и часто переходятъ отъ одного къ другому». Общей, универсальной системы воспитанія не существуетъ ни въ теоріи, ни на практикѣ, но каждая — исключительно народная система, вѣрно отражающая въ себѣ народныя достоинства и недостатки. Всякая сборная система, понадерганная изъ положительныхъ чертъ опредѣленныхъ національныхъ системъ, страдала бы полнымъ безсиліемъ. Всякій народъ хочетъ, по мѣрѣ силъ и возможности, развернуть и усовершенствовать свое воспитаніе, но однимъ стремленіямъ народность ставитъ непреодолимыя преграды, а другія усердно выдвигаетъ, передѣлывая такъ по своему универсальные педагогическіе планы.

Мы знаемъ причину этого явленія, видя здѣсь одно изъ частныхъ проявленій національной апперцепціи. Зналъ эту причину и К. Ушинскій: «религія, природа, семейство, преданія, поэзія, законы, промышленность, литература—все, изъ чего слагается историческая жизнь народа, составляетъ его дѣйствительную школу, передъ силою которыхъ сила учебныхъ заведеній, особенно построенныхъ на началахъ искусственныхъ, совершенно ничтожна... Но этого мало. Воспитаніе, построенное на абстрактныхъ или иностранныхъ

1) «О народности въ общественномъ воспитаніи». Собраніе педагогич. сочиненій, т. I, 1909, стр. 70.

началахъ, будетъ дѣйствовать на развитіе характера гораздо слабѣе, чѣмъ система, созданная самимъ народомъ» ¹⁾).

Характеръ есть продуктъ взаимодействія прирожденныхъ склонностей и приобретенныхъ въ жизни убѣжденій и привычекъ. Своеобразіе всякаго характера въ той или иной мѣрѣ отражается на внѣшнемъ обликѣ человѣка, на его наружности. Несмотря на безконечное разнообразіе человѣческихъ типовъ, природа все же успѣваетъ выдвинуть на первый планъ въ наружности человѣка черту народности. Отсюда вопросъ: должно ли воспитаніе, изучивъ ввѣренный ему характеръ, руководствоваться его природными особенностями или же оно въ состояніи, опуская эти природные задатки, создать вторую природу для человѣка? Если первая задача трудна и отвѣтственна, то вторая просто не возможна. «Чтобы воспитаніе могло создать вторую природу, требуется, чтобы идеи этого воспитанія переходили въ убѣжденіе воспитанниковъ, убѣжденія въ привычки, а привычки въ склонности. Когда убѣжденіе такъ вкоренилось въ человѣкѣ, что онъ повинуется ему прежде, чѣмъ подумаетъ, что долженъ повиноваться, тогда только оно дѣлается элементомъ его природы». Этого медленнаго и труднаго процесса воспитаніе возсоздать не можетъ, оно должно только съ нимъ сообразоваться.

Сила характера, независимо отъ его содержанія, есть великая цѣнность, вытекающая изъ природныхъ источниковъ души. Но всякая сила слѣпа и ея достоинство опредѣляется ея направленіемъ. Воспитаніе должно вывести человѣка на путь добра, гдѣ побѣждать ежечасно свои влеченія можетъ лишь тотъ, кто нашель себѣ вѣрнаго союзника. Въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ существуютъ нравственные побужденія, разнообразныя и скрытыя. Однако, есть общая прирожденная склонность, на которую всегда можетъ опереться воспитаніе—народность. Какъ нѣтъ человѣка безъ самолюбія, такъ нѣтъ и безъ любви къ

1) *Op. cit.*, стр. 93.

отечеству, этого ключа къ его сердцу и могучему рычагу его поведенія. «Чувство народности такъ сильно въ каждомъ, что при общей гибели всего святого и благороднаго, оно гибнетъ послѣднее. Взятчикъ, истачивающій какъ червь силы своей родины, сочувствуетъ ея славѣ и ея горю. Въ злодѣѣ, въ которомъ потухли всѣ благородныя человѣческія чувства, можно еще доискаться искры любви къ отечеству: поля родины, ея языкъ, ея преданія и жизнь никогда не теряютъ непостижимой власти надъ сердцемъ чловѣка. Есть примѣры ненависти къ родинѣ; но сколько любви бываетъ къ этой ненависти! Можно позабыть имя своей родины и носить въ себѣ ея характеръ.. такъ глубоко вкоренилъ Творецъ элементъ народности въ чловѣкѣ». Воспитаніе перестанетъ быть таковымъ, если оно забудетъ эту великую силу.

Призывъ Ушинскаго къ народности въ педагогической работѣ отнюдь не равнозначенъ съ призывомъ къ національной исключительности. Онъ говоритъ намъ лишь о томъ, что дѣло воспитанія можетъ сполна развернуться только на народной почвѣ, что путь къ всечеловѣчеству идетъ черезъ национальность. И на этомъ пути мы не должны заряжаться ѳязательно одними отталкивающими силами вражды и презрѣнія къ чужимъ народамъ. Крѣпкое и спокойное національное самосознаніе признаетъ и усваиваетъ чужое, но оно цѣнитъ также и свой народъ, уважаетъ свою народность; оно дорожитъ своей самобытностью и готово защищать ее какъ отъ слѣплого подражанія, такъ и отъ грубой силы завоевателя. Если же въ такомъ здоровомъ чувствѣ любви къ родинѣ мы видимъ судороги національной исключительности, то мы всегда должны учитывать тогда сопутствующія этому явленію обстоятельства и твердо помнить, что душевное состояніе чловѣка, находящагося въ жестокой дракѣ, не можетъ дать намъ вѣрнаго представленія о нормальномъ ходѣ его душевной жизни.

Два русскихъ педагога, беззавѣтно преданныхъ дѣлу воспитанія и обученія своего народа, оставили намъ мысли, плохо усвоенныя ихъ преемниками.

Дѣйствительно, пытались-ли вскрыть эти послѣдніе исторію русскаго народа, процессъ созданія той идеи, которая скрывается въ его душѣ и выражается въ историческихъ дѣянїяхъ. Мало того, старались-ли они очертить тѣ народныя особенности, которыя должны просачиваться въ русскую школу, старались-ли выяснить наше національное своеобразіе и подвергнуть его обстоятельной, всесторонней критикѣ? Психологическое изученіе національнаго типа не только не подвинулось впередъ, но скорѣе даже попятилось обратно. Обильный матеріаль для разработки народнаго характера, чувства, міропониманія и пр. остался во многомъ неиспользованнымъ. Литература и наука, религія и право, поговорки и пословицы, старые обычаи и историческіе факты, семейный бытъ и многое другое—все лежитъ еще подъ спудомъ и ждетъ своего изслѣдователя.

Такова одна сторона задачи, обращенная къ тѣмъ, кто воспитываетъ, другая же относится къ тѣмъ, кого воспитываютъ. Русская молодежь должна вплотную подойти къ народной жизни, возможно шире и полнѣе ознакомиться съ роднымъ и близкимъ ей національнымъ типомъ. Здѣсь прежде всего она должна осмысливать предлагаемый школой матеріаль изъ области родной литературы и исторіи. Преподаваніе этихъ предметовъ должно не только раздаться въ ширь, но также и углубиться. Преступно русскимъ людямъ ограничиваться одною формой тамъ, гдѣ имѣется великое по своему нравственному воздѣйствію содержаніе.

Языкъ составляетъ душу націи не благодаря своей звуковой оболочкѣ, но въ силу того духовнаго содержанія, которое даетъ возможность слышать въ немъ исповѣдь народа и видѣть бытъ родной. Языкъ не противоположенъ мысли, онъ не только средство ея передачи и орудіе общенія; слово не только внѣшній знакъ или форма выраженія того, что происходитъ въ умѣ чело-вѣка. Одни членораздѣльные звуки не создаютъ еще слова: здѣсь необходимъ сложный психическій процессъ, своеобразно протекающій у cadaго народа и всякой личности. «Если бы языки были только сред-

ствами означенія мысли уже готовой, образовавшейся помимо ихъ, то ихъ различія по отношенію къ мысли можно было бы сравнить съ различіями почерковъ и шрифтовъ одной и той-же азбуки. Намъ болѣе или менѣе все равно, какимъ почеркомъ ни написать, какимъ шрифтомъ ни напечатать книгу, лишь-бы можно было разобрать; такъ было-бы безразлично для мысли, на какомъ языкѣ ее ни выразить»¹⁾. Отсюда естественно возникло-бы убѣжденіе, что «привязанность къ своему языку есть лишь дѣло привычки, лишенной глубокихъ основаній», въ результатѣ чего люди стали-бы мѣнять свой языкъ съ легкостью перчатокъ. Однако, въ дѣйствительности, «языки потому только служатъ означеніемъ мысли, что они суть средства преобразования первоначальныхъ, до-язычныхъ элементовъ мысли; потому въ этомъ смыслѣ они могутъ быть названы средствами созданія мысли... Языкъ можно сравнить со зрѣніемъ. Подобно тому, какъ малѣйшее измѣненіе въ устройствѣ глаза и дѣятельности зрительныхъ нервовъ неизбѣжно даетъ другія воспріятія и этимъ вліяетъ на все міросозерцаніе человѣка, такъ каждая мелочь въ устройствѣ языка должна давать безъ нашего вѣдома свои особыя комбинаціи элементовъ мысли.»

Если языкъ важенъ своей творческой стороной, вложенной въ него національнымъ самосознаніемъ, то сугубую важность приобрѣтаетъ въ школѣ родная литература, которая должна знакомить съ роднымъ бытомъ, съ радостью и горемъ, съ мечтой и надеждою русскаго народа. Это тѣмъ болѣе возможно, что знатоковъ народной жизни и психологій среди нашихъ писателей не занимать стать. Точно также и въ историческомъ преподаваніи интересъ долженъ сосредоточиться на устояхъ народной жизни и на всестороннемъ освѣщеніи ея бытового уклада. Равнымъ образомъ, въ географіи и отечествовѣдѣніи необходимо основываться на мѣстныхъ особенностяхъ, вдумчивое отношеніе къ которымъ только и приведетъ къ глубокому пониманію общенародной жизни.

Обстоятельное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ во-

¹⁾ А. Потебня. Мысль и языкъ. 1913. Стр. 192, 194.

просовъ займетъ подобающее имъ мѣсто въ другой нашей работѣ «О гражданскомъ воспитаніи», теперь же мы должны учесть тѣ серьезныя возраженія, которыя дѣлались противъ того или иного участія національной идеи въ педагогической работѣ.

Здѣсь мы остановимся на видномъ представителѣ русской педагогической мысли, П. Каптеревѣ. Въ своей «Исторіи русской педагогіи» онъ подвергнулъ критической оцѣнкѣ многіе изъ взглядовъ К. Ушинскаго и В. Стоюнина. Прежде всего отмѣтимъ историческій горизонтъ критика, ясно выраженный въ словахъ, что «нынѣ національныя особенности еще очень замѣтны, національные интересы часто противоположны; національной вражды еще много; но дѣло идетъ къ умиротворенію и объединенію (?) національностей, а не къ ихъ раздѣленію. Между культурными народами культурные люди составляютъ одно общество, къ какой-бы націи они не принадлежали, и идеаль культурныхъ стремленій—дружное, единое челоуѣчество, а не обособленныя національности. Да будетъ едино стадо и единъ пастырь». ¹⁾ Отсюда, вполне послѣдовательно, взгляды К. Ушинскаго носятъ для критика «слишкомъ узкій національный характеръ», а народность его простирается «до полной обособленности и исключительности воспитанія».

Второй существенный пробѣлъ теоріи К. Ушинскаго усматривается П. Каптеревымъ въ томъ, что онъ установилъ неправильное соотношеніе между наукой и педагогикой, что первую онъ объявилъ общечеловѣчной, а вторую связалъ съ характеромъ челоуѣка, основой народности. Такой взглядъ ошибоченъ потому, что «педагогика въ своей теоретической части есть наука и, какъ таковая, общечеловѣчна». Она не можетъ быть искусствомъ, какъ думаетъ Ушинскій, ибо занимается «выясненіемъ сущности педагогическаго процесса, его цѣли, отношенія къ государству, измѣненія воспитанія примѣнительно къ возрастамъ и т. д.» Душевный ходъ развитія ребенка не носитъ столь рѣзкаго отличія, чтобы каждому народу требовалась своя

1) «Исторія русской педагогіи», Спб., 1909, стр. 332.

особая педагогика, которая, во всякомъ случаѣ, основывается на психологіи и фізіологіи, наукахъ общечеловѣческихъ. «Да и трудно понять, какъ это люди, подлежа въ своемъ развитіи и дѣятельности вліянію однихъ и тѣхъ же физическихъ, химическихъ, фізіологическихъ и соціологическихъ законовъ, имѣя одинаковую, по существу, природу, въ воспитаніи, заключающемся въ содѣйствіи естественному развитію силъ челоука, не могутъ, будто-бы, имѣть ничего общаго, кромѣ мелочей, что французъ развивается и образуется на одинъ ладъ, нѣмецъ—на другой, а русскій—на третій. Посредствомъ какой логики и какихъ фактическихъ соображеній можно дойти до подобныхъ выводовъ рѣшительно непонятно... Примѣсь націонализма есть во всѣхъ и во всякихъ научныхъ произведеніяхъ, что не мѣшаетъ имъ имѣть общечеловѣческой интересъ и значеніе. Если изъ за примѣси національности въ воспитаніи слѣдуетъ отрицать возможность общечеловѣческой теоріи воспитанія, то тогда, по той же причинѣ, слѣдуетъ отрицать существованіе общечеловѣческой науки, такъ какъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ есть примѣсь національныхъ свойствъ ума изслѣдователей; слѣдуетъ отрицать даже существованіе людей, потому что въ каждомъ челоука есть примѣсь націонализма; существованіе русскихъ, потому что въ русскихъ есть особенные признаки великороса, малоросса; существованіе великоросса, потому что въ немъ есть частныя черты владимірца, москвича; на всѣхъ московскихъ, по словамъ Грибоѣдова, есть особый отпечатокъ и т. д.»

Отвѣтимъ въ порядкѣ возраженій. Во первыхъ, самъ критикъ оговаривается, что онъ беретъ педагогику въ ея теоретической части, не выяснивъ своего отношенія къ практической части и ея связи съ теоретической. Во вторыхъ, ходъ развитія дѣтей нѣмецкихъ и турецкихъ различень уже по чисто климатическимъ условіямъ: въ Германіи пока еще не бывало двѣнадцатилѣтнихъ невѣсть. Онъ долженъ быть различнымъ и потому, что исторія выработала устойчивыя національныя типы, которые и передаютъ путемъ естественной наслѣдственности свои особенныя свой-

ства. Нація—говорили мы—заложена общностью судьбы и воспитана общностью характера. Въ третьихъ, нельзя такъ просто, безъ обвиняковъ, говорить даже объ общечеловѣчности науки. Народность отражается въ общественныхъ наукахъ двоякимъ путемъ: она даетъ ученому своеобразный матеріалъ, часто вліяющій и на постановку самого вопроса и на выводы его, она же направляетъ и интересы преимущественно къ той или иной темѣ. Живое изученіе русскими историками французской революціи и цезаризмъ Моммсена въ исторіи римской—наглядное тому доказательство. Въ наше время то и дѣло приходится слышать о разныхъ національныхъ школахъ въ исторіографіи, соціологіи и правѣ. Эти выраженія не вызываютъ нынѣ удивленія потому, что за ними стоитъ вполне реальный фактъ націонализаціи духовной культуры. Равнымъ образомъ мнѣ часто приходилось бѣсѣдовать съ людьми, побывавшими въ нѣмецкихъ и французскихъ лабораторіяхъ и вынесшими далеко не одинаковое впечатлѣніе о самихъ методахъ работы. Развертывая книжку по исторіи психологіи, я точно также нахожу здѣсь національныя подраздѣленія: психологія англійская, нѣмецкая и французская далеко не одинаковы по своему методу и содержанию, что относится въ еще большей мѣрѣ къ философіи. Да и ту же психологію теперь справедливо упрекаютъ, что она односторонне подошла къ обрисовкѣ челоуѣческой души: помимо того, что до сихъ поръ она работала на основахъ мужской психологіи, она эту послѣднюю еще изолировала, оторвала отъ коллективной, точнѣе народной психологіи.

Опуская значеніе языка, этого могучаго орудія національной апперцепціи, зададимся вопросомъ объ отличіи художественнаго творчества отъ научнаго. Какая существуетъ между ними огромная разница, если отсутствіе самобытности въ первомъ есть безусловный минусъ, а во второмъ—столь же безусловный плюсъ. Поэзія есть мышленіе образами—говоритъ намъ психологія творчества; понятно, что свѣжесть и полнота этихъ образовъ возможны только при близкой связи

съ дѣйствительностью, т. е. при народности поэта. А наука есть мышленіе понятіями—говоритъ намъ та же психологія. Но такъ какъ понятія не рождаются въ головѣ, какъ Аѳина въ черепѣ Зевса, то ясно отсюда, что единство жизненныхъ впечатлѣній (единство національное) должно сказаться и въ этой области безпристрастнаго выуживанія существенныхъ признаковъ событій и предметовъ. Вотъ почему «примѣсь» национализма въ общечеловѣческой теоріи воспитанія можно сравнить скорѣе съ ложкой дегтя въ бочкѣ меда. Наконецъ, отличіе русскаго отъ москвича можно вполне установить, руководствуясь фактомъ и идеей. Общностью судьбы связаны оба эти человѣка, поэтому, они члены русской націи, принадлежность къ которой отнюдь не требуется однородностью судьбы. Дистанція огромнаго этического размѣра отдѣляетъ также москвича отъ русскаго, что въ поясненіяхъ уже не нуждается.

Распространенъ ошибочный взглядъ, что о народности не стоитъ беспокоиться: она естественная необходимость, совершенно не нуждающаяся въ особомъ о ней попеченіи. Воспитаніе есть многоликое подражаніе и классическимъ и современнымъ передовымъ народамъ. Всѣ чужеземныя вліянія, хотя и носятъ національную окраску, общи всему человѣчеству. Культъ національности только оскопитъ дѣло воспитанія. Въ такой формѣ это мнѣніе наивно и даже вредно, ибо воспитаніе далеко не подражаніе. Болѣе удачна здѣсь другая формулировка той же основной мысли: возможно-ли не быть русскимъ по духу тому, кто рожденъ и воспитанъ русской матерью, обученъ русскими учителями, выросъ на русской поэзіи? Какъ можетъ онъ не чувствовать любви и преданности къ своему народу? Какъ можетъ онъ не гордиться народомъ и его дѣянiami? Все, что не возникаетъ здѣсь само собой, то безусловно отъ лукаваго.

Все это правда, конечно, но только правда не полная. Ибо какъ противорѣчитъ этимъ словамъ наша, увы, еще не совсѣмъ прошлая дѣйствительность, со слабымъ развитіемъ національнаго самосознанія и самоуваженія. «Тѣло мое въ Россіи, но сердце принадлежитъ коронѣ

французской»—этотъ девизъ Иванушки изъ «Бригадира» еще не вымелся сполна и цѣликомъ изъ нашей жизни. Мы часто кидались отъ національнаго самовозвеличенія къ національному самоуничженію, отъ гордаго вызова къ заискивающей улыбкѣ. Вотъ почему пора-бы намъ еще на школьной скамьѣ осмыслить свою національную жизнь, чтобы сознательно и твердо осуществлять свою мысль и свое желаніе. А этого мы не достигнемъ до тѣхъ поръ, пока будемъ ждать самопроизвольнаго зарожденія національнаго міроощущенія, пока мы рѣшительно не вмѣшаемся въ тѣ явленія, которыя могутъ не только способствовать росту нашей народности, но и задержать его.

Итакъ, идея національнаго воспитанія осуществляется не только рядомъ практическихъ мѣропріятій: она сказывается также и въ особой настроенности души. Какъ цѣнность психологіи для педагога заключается не въ томъ, что она даетъ готовые рецепты для разнообразныхъ случаевъ изъ его практики, но въ томъ, что она учитъ думать его «психологически», такъ сходнымъ образомъ и задача національнаго воспитанія—создать тѣ сильныя настроенія, которыя заставляютъ отраженно звучать родственныя ощущенія. Эти настроенія словно раскачиваютъ нашу память, вмѣстѣ съ ними въ насъ что-то пробуждается и невольно отвѣчаетъ. Воспитаніе же можетъ образовать такія привычныя и быстрыя сочетанія національныхъ чувствъ и мыслей, которыя въ мгновенномъ слѣдованіи другъ за другомъ начинаютъ ощущаться нами, какъ единство. Въ такомъ случаѣ національное чувство, переживаясь какъ единство, въ дѣйствительности будетъ потокомъ съ великимъ множествомъ ручейковъ.

Русскимъ нечего бояться того, что тщательный уходъ за своей національностью создастъ вмѣсто народнаго нарочное, народность замѣститъ народничаньемъ. Исключительность и шовинизмъ не въ характерѣ того народа, вожди котораго призывали его къ національному самоотреченію и жертвѣ, къ возсозданію и примиренію въ себѣ души всечеловѣчества. Таковымъ же рисуется намъ его и исторія. Мы отстояли свою независимость, когда Европа была покорена. Изгнавъ На-

полеона, мы отмѣтили это великое событіе декабрьскимъ возстаніемъ, тогда какъ нѣмцы, отстоявъ лишь себя, отвѣтили на него теоріей верховенства своего народа,—исторія, повторившаяся у нихъ и послѣ окончанія послѣдней французской войны. А это великій знакъ: большая побѣда въ то же время и большая опасность, ибо человѣкъ зачастую переноситъ ее тяжелѣе пораженія. Вотъ почему мы смѣло можемъ протянуть руку національной идеѣ и тѣмъ самымъ заполнить то святое мѣсто нашей души, которое просто и искренне выражено словами поэта:

Жизнь хороша, когда мы въ мірѣ
Необходимое звено
Со всѣмъ живущимъ заодно;
Когда не лишній я на пирѣ;
Когда, идя съ народомъ въ храмъ,
Я съ нимъ молюсь однимъ богамъ.

(А. Майковъ).

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР.

Необходимое предисловіе	III—VII
Глава I. Что такое нація?	8—25
Глава II. Нація какъ переживаніе души	26—34
Глава III. Національная идея и космополитизмъ	35—50
Глава IV. Цѣнность націи	51—72
Глава V. Задачи національнаго воспитанія	73—89